Леонид Яннау

Эрменгарда Нарбоннская

Власть без короны

2026

Источники изображений и условия их использования приведены в разделе «Источники иллюстраций».

© Леонид Яннау, 2026

Оглавление

О создании книги 4
Предисловие 5
Пролог. Женщина, которую почти забыли 11
Глава 1. Нарбонна: город между морем, графами и имперскими тенями 13
Глава 2. Наследница без защиты 20
Глава 3. Тулузская ловушка 26
Глава 4. Второй брак и власть 33
Глава 5. Ремесло власти 42
Глава 6. Дело Беренгара 51
Глава 7. Между Тулузой, Барселоной и королём Франции 59
Глава 8. Двор, песни и репутация 67
Глава 9. Между дворцом и собором 76
Глава 10. Старость власти 89
Глава 11. Пределы власти, которую нельзя передать 102
Глава 12. Две судьбы одной эпохи 113
Семья Эрменгарды и наследование Нарбонны 125
Основные даты жизни и правления 126
Иллюстрации 129
Примечания 137
Источники и литература 148
Указатель имён и мест 152

О создании книги

Эта книга написана совместно Леонидом Яннау и ChatGPT. По отдельности ни один из соавторов не создал бы её в таком виде. Языковая модель позволила охватить хроники, документы и исследования на нескольких языках; без человеческого замысла, вопросов и редакторского суждения эти сведения не стали бы книгой.

Текст складывался в диалоге: предложенные объяснения и формулировки обсуждались, сведения сверялись с источниками, главы перерабатывались. Окончательные решения, как и ответственность за возможные ошибки, остаются за Леонидом Яннау.

Предисловие

Имя Эрменгарды Нарбоннской сегодня редко вспоминают за пределами специальных работ о Южной Франции XII века. Оно не стоит рядом с именами королев, чьи браки меняли карту Европы, чьи сыновья становились монархами, а чьи поступки веками обрастали легендами. У Эрменгарды не было короны. Она не оставила после себя государства, которое можно было бы показать на карте как её прочное наследство. Её власть не превратилась в династический миф, удобный для школьных учебников и исторических романов.

И всё же перед нами одна из самых интересных женщин своего времени. Почти полвека она удерживала власть в Нарбонне — старом средиземноморском городе, где сходились торговля, церковь, память Рима, интересы местной знати, графов Тулузы, Барселонского дома и французской короны. Её положение было слишком важным, чтобы соседи оставили её в покое, и слишком уязвимым, чтобы власть держалась сама собой. Эрменгарде приходилось снова и снова доказывать своё право править.

Мы привыкли измерять успех Средневековья коронами, замками, победами, наследниками и длинной тенью, которую человек отбрасывает на потомков. Но XII век знал и другую власть — менее парадную, более повседневную, договорную, личную. Она держалась на клятвах, письмах, судебных решениях, поездках, союзах, страхе, уважении и

способности вовремя не дать сильному соседу поглотить твоё владение. Такая власть могла быть реальной и значительной, даже если после неё не оставалось монумента.

Эрменгарда правила не королевством, а виконтством. Это слово не должно обманывать. Власть над Нарбонной давала не только доходы и престиж. Она давала место в большой игре, где каждый союз мог завтра стать угрозой, а каждый брак — способом захвата.

В ранней жизни Эрменгарды это проявилось особенно резко. Женское наследование в XII веке было вполне возможным, хотя редко проходило спокойно. Наследница обладала правами, но именно они становились предметом чужих планов. Брак мог быть защитой, соглашением, ловушкой или формой политического присвоения. История Эрменгарды показывает это без романтической дымки: её имя, титул и город были слишком ценным сочетанием, чтобы окружающие мужчины видели в ней только человека.

Простое противопоставление слабой женщины грубому мужскому миру здесь не работает. Такая схема слишком удобна и потому подозрительно гладка. Эрменгарда не была беспомощной жертвой обстоятельств. Она стала правительницей в собственном праве, вела дела, принимала решения, участвовала в судебных и политических конфликтах, обращалась к королям и церковным властям, удерживала вокруг себя сеть людей и обязательств. В её истории важнее не лозунг о силе, а сама техни-

ка власти: как человек без короны заставляет других десятилетиями признавать своё право править.

Эрменгарда Нарбоннская стала героиней нашей второй книги не случайно. После «Алиеноры Аквитанской. Королевы двух королевств» нам хотелось продолжить разговор о женщинах, которые сами распоряжались унаследованной властью и влияли на политику своего времени. Алиенора и Эрменгарда были современницами. При разном положении и масштабе владений обе проявили самостоятельность, дипломатические способности и умение добиваться признания своих прав.

Эти две книги положили начало серии о женщинах-правительницах. Возможно, к ним со временем добавятся другие. Каждая книга задумана как самостоятельный рассказ: нас интересует не общее представление о «сильной женщине», а конкретный человек — его решения, возможности и пределы власти.

В 1159 году Эрменгарда выступила против Раймона V Тулузского вместе с Генрихом II, предъявлявшим наследственные права Алиеноры на Тулузу. Мы не знаем, встречались ли эти женщины, но в этом эпизоде их политические интересы сошлись.

Обе принадлежали южнофранцузскому миру трубадуров и сложной политики родов и земель. Но делать из Эрменгарды «вторую Алиенору» было бы ошибкой. У Алиеноры были две короны, сыновья-короли, хронисты и европейская память. У Эрменгарды — Нарбонна, документы, письма, судебные

права и репутация среди современников; её след в истории оказался куда более хрупким.

Эта разница и делает её особенно интересной. Алиенора позволяет увидеть вершины династической политики; Эрменгарда — рассмотреть, как работала власть ниже королевского уровня, там, где государство ещё не стало главным действующим лицом истории. Не существовало устойчивой административной машины, способной заменить личный авторитет. Править значило постоянно поддерживать отношения: подтверждать права, принимать оммаж — обряд, которым вассал признавал власть сеньора и свои обязательства перед ним, — улаживать споры, договариваться, угрожать, уступать, писать, ехать, присутствовать.

Рассказ об Эрменгарде не может быть только биографией в привычном смысле. Источники редко позволяют войти в её внутренний мир: мы не знаем, что она думала в минуты страха, обиды или усталости. Догадка не должна изображать себя знанием. Психологию здесь приходится искать через действие: что она подписывает, кому пишет, с кем спорит, кого признаёт, где уступает, а где сопротивляется. Это менее эффектно, чем выдуманный внутренний монолог, зато надёжнее.

Особое место в рассказе займут трубадуры. С Эрменгардой связан мир песен, придворной славы, поэтической репутации и куртуазного языка. Но трубадуры не будут здесь декорацией, развешанной для красоты. Поэзия XII века не является стенограммой событий и не даёт прямого доступа к лич-

ной жизни. Похвала не равна факту, легенда не равна документу, поздний рассказ не равен свидетельству очевидца. И всё же песни важны: они показывают, как создавалась репутация, каким языком говорили о власти, щедрости, достоинстве и благородстве, как политическое влияние могло существовать не только в хартиях, но и в слухе, памяти, публичном слове.

Основой книги станут документы, письма и современные исследования, прежде всего работы Фредрика Шейетта и Жаклин Кай. Шейетт остаётся главным проводником по Эрменгарде и её миру, но эта книга не должна быть пересказом его монографии. Его работа нужна как карта, а карта не заменяет дороги. Наша задача — идти по источникам осторожно, отделяя надёжное от предположительного, не пряча пробелы и не заполняя их красивыми сценами только потому, что так приятнее читать.

В центре книги будет не только вопрос о том, как Эрменгарда получила власть, но и вопрос о том, почему эта власть не стала прочной конструкцией после неё. Это не второстепенная деталь и не неприятное приложение к биографии. Здесь и появляется главный нерв её истории. Эрменгарда могла десятилетиями удерживать равновесие между сильными соседями, местной знатью, церковью и собственными родственниками. Но система, которая держится на личном авторитете и постоянном подтверждении отношений, слабеет, когда этот авторитет стареет, уходит или оказывается окружён чужими интересами.

Значит ли это, что она потерпела неудачу? Ответ не так прост. Если требовать от неё создания государства, которого в её мире ещё почти не могло быть, мы заранее проиграем честность ради красивого приговора. Если же смотреть на неё внутри её эпохи, картина меняется. Она удерживала Нарбонну, сопротивлялась попыткам поглощения, действовала как самостоятельная правительница и оставила след в документах именно потому, что современники были вынуждены считаться с её властью. Её успех был реальным. Просто он принадлежал миру, где политическое достижение не всегда превращалось в долговечную институцию.

Эта книга — о власти без короны и памяти без памятника; о женщине, которую знали современники, но плохо запомнили потомки; о городе, который был важнее, чем кажется с расстояния в восемь веков. И о времени, когда письмо могло быть оружием, брак — операцией захвата, песня — частью репутации, а суд — проверкой самого права женщины распоряжаться своим наследством.

Эрменгарда Нарбоннская не нуждается в том, чтобы её искусственно увеличивали до размеров королевы. Её собственный масштаб достаточно интересен. Он другой: менее видимый, менее школьный, менее удобный для легенды. Такой масштаб помогает увидеть Средневековье сбоку, не с трона, а из узла живых отношений, где власть каждый день приходилось собирать заново.

С этого и начнём.

Пролог

Женщина, которую почти забыли

На нарбоннском денарии XII века сохранились две надписи. С одной стороны — ERMANGARD, с другой — NARBONE CIVI. В центре одной стороны крест, на другой — узор из колец. Край монеты повреждён, но имя Эрменгарды и название города различимы. Денарий изготовили для обращения, а не для рассказа о её жизни.

Монета связывает её имя с Нарбонной, но не объясняет, как она получила власть и что требовалось, чтобы её удержать. За этими несколькими буквами стояли люди, которые признавали её решения, приносили ей клятвы или оспаривали её права.

В письмах и грамотах видны отдельные дела. Эрменгарда распоряжается владениями, заключает соглашения, обращается к королю, принимает обязательства своих людей. Каждый документ возникал по конкретному поводу: один сохранял условия мира, другой — права на замок, третий — доводы в судебном споре. Вместе они не составляют непрерывного рассказа о её жизни, но позволяют проследить, как она правила.

Другую сторону её посмертной судьбы сохранили песни и поздние сочинения. В них на первый план выходят двор, щедрость госпожи, её место в жизни поэтов. Автор трактата «О любви» приписал ей ре-

шения куртуазных споров. Эти тексты говорят о славе Эрменгарды, но оставляют в стороне многое из того, что занимало её как правительницу.

Монета, грамота и песня сохранили разные следы одного человека. Ни один из них не даёт готового портрета. Чтобы понять, почему имя Эрменгарды было значимо для современников и почему потомкам достался иной образ, нужно сначала увидеть Нарбонну — город, с которым это имя было связано.

Глава 1

Нарбонна: город между морем, графами и имперскими тенями

В XII веке Нарбонна играла политическую роль, несоразмерную размерам её владения.

Она совсем не походила на столицу небольшого провинциального владения. За её стенами стояло прошлое, гораздо более древнее, чем династии графов и виконтов, деливших между собой юг нынешней Франции. Когда Париж ещё только превращался в политический центр королевства Капетингов, Нарбонна могла оглянуться почти на тринадцать столетий городской истории.

Римляне основали здесь колонию Нарбо Марций ещё в 118 году до нашей эры. Она стала одним из важнейших городов римской Галлии и дала имя целой провинции — Нарбоннской Галлии. Через город проходила Виа Домиция, большая дорога, соединявшая Италию с Испанией. Из Нарбонны дороги вели и к внутренним областям Аквитании. Город стоял в месте, где сходились сухопутные и морские пути, и география надолго определила его судьбу.

Сам город находился не непосредственно на открытом морском берегу. Его связывали со Средиземным морем река Од и система лагун и протоков. Для средневекового человека это не делало Нарбонну менее морским городом. Через неё шли това-

ры и люди, поддерживались связи с Каталонией, Италией и другими областями западного Средиземноморья.

Ещё в последние десятилетия существования Западной Римской империи Нарбонна оказалась под властью вестготов. В VIII веке город несколько десятилетий находился под мусульманской властью, а в 759 году был захвачен франками. Каждая эпоха оставляла после себя не только стены и руины. Сохранялось представление о Нарбонне как о старом административном и церковном центре, слишком важном и слишком удачно расположенном, чтобы его можно было считать всего лишь ещё одним феодальным владением.

К XII веку от римского величия оставалась прежде всего память. Но это была полезная память. Средневековые правители охотно опирались на древность городов, церквей и прав, когда требовалось доказать собственные привилегии. В Нарбонне прошлое буквально лежало под ногами. Камень античных сооружений использовали для новых построек, остатки древнего города становились частью средневекового, а старые дороги продолжали определять направление движения людей и товаров.

Политическая карта вокруг Нарбонны тем временем изменилась до неузнаваемости.

На современных картах Южная Франция выглядит цельным пространством. В XII веке политическое единство этого пространства было куда слабее. Нарбонна входила в королевство франков и призна-

вала королевский авторитет, но повседневное вмешательство Капетингов на юге оставалось ограниченным. Собственные интересы здесь имели графы Тулузы, правители Барселоны, виконты из рода Тренкавелей, владевшие Безье и Каркассоном, многочисленные виконты, епископы, аббаты и местные сеньоры.

Нарбонна находилась как раз там, где интересы этих сил пересекались.

Особенно важным для её истории стало соперничество Тулузы и Барселоны. Оно продолжалось почти весь XII век и далеко выходило за рамки обычной вражды двух соседних династий — Раймундидов, правивших Тулузой, и Барселонского дома. Обе стороны пытались создать вокруг себя систему зависимых владений и союзников. Для Барселонского дома земли к северу от Пиренеев были естественным продолжением его владений. Для Тулузы распространение каталонского влияния означало угрозу собственному господству на юге.

Нарбонна лежала между ними.

Отсюда и значение сравнительно небольшого виконтства, несоразмерное его территории. Тулуза и Барселона не могли безразлично относиться к тому, кто правил Нарбонной: обеим был нужен здесь союзник — а ещё лучше зависимый союзник.

Это обстоятельство и станет одним из постоянных условий жизни Эрменгарды. Ей предстояло управлять владением, которое было слишком важным, чтобы его оставили в покое, и недостаточно силь-

ным, чтобы оно могло просто диктовать свою волю соседям.

Внешними силами дело не ограничивалось.

Даже внутри Нарбонны власть не принадлежала одному человеку.

Рядом с виконтом стоял архиепископ Нарбоннский. Это был не только духовный глава большой церковной области. Архиепископ обладал землями, доходами, судебными и хозяйственными правами и выступал как настоящий светский сеньор. Формирование его территориальной власти шло столетиями, и к XII веку в городе фактически сложилось сосуществование двух крупных властных центров — виконтского и архиепископского.

Их отношения нельзя свести к простой формуле «церковь против светской власти». Они могли спорить, заключать соглашения, признавать права друг друга и действовать совместно, когда это было выгодно обоим. Более того, по части своих владений виконт сам был связан с архиепископом вассальными обязательствами.

Для современного читателя подобная система выглядит запутанной, но для политического устройства XII века такое переплетение прав не было исключением. Власть тогда редко напоминала аккуратно разделённые территории на политической карте. Один и тот же человек мог действовать как самостоятельный сеньор в одном владении и быть вассалом другого господина в соседнем. Право собирать пошлину могло принадлежать одному вла-

дельцу, право суда — другому, земля — третьему, а церковь на этой земле — четвёртому.

Нарбонна представляла собой именно такой узел прав, обязательств и привилегий.

Ещё одной силой был сам город.

К первой половине XII века в Нарбонне уже складывались собственные формы городского представительства. В 1131 году в источниках впервые надёжно засвидетельствованы нарбоннские консулы — представители городской общины, участвовавшие прежде всего в торговых и дипломатических делах города. Источники не позволяют точно определить полномочия первых консулов, однако их присутствие в документах показывает, что община Нарбонны уже приобретала собственный политический вес.

В 1131 году два консула Нарбонны заключили в Генуе торговое соглашение. Они выступали не как частные купцы, а от имени архиепископа, виконта, других консулов и городского сообщества. Позднее представители Нарбонны будут заключать подобные соглашения и с другими средиземноморскими городами.

Это означало, что рядом с виконтом и архиепископом уже существовали люди, способные говорить от имени состоятельной и деятельной части городского населения. Купцы, ремесленники и владельцы недвижимости имели собственные интересы, деньги и связи, с которыми приходилось считаться.

В городе жила и еврейская община со своими учёными и школой. Во время правления Эрменгарды Нарбонну посетил Вениамин Тудельский, еврейский путешественник из Наварры. Он описал её как город, славившийся учёностью: «отсюда Тора распространяется по всем странам».

Среди руководителей общины Вениамин назвал Калонимоса, сына Тодроса. По его словам, тому принадлежали наследственные владения и земли, пожалованные правителем города, которых никто не мог лишить его силой. Путешественник упомянул также главу школы Авраама и других нарбоннских учёных.

В те же десятилетия здесь обосновалась пришедшая из Испании семья Кимхи, известная трудами по грамматике древнееврейского языка и толкованию Танаха — еврейской Библии.

Виконт Нарбонны управлял древним городом с торговыми интересами, влиятельным духовенством, знатными семьями и постепенно оформлявшимися городскими институтами. За стенами начинался мир соседних сеньоров, а над ним проходили линии соперничества Тулузы и Барселоны.

Править здесь означало прежде всего договариваться.

Вооружённая сила — замки, вассалы, рыцари и отряды — оставалась необходимой частью власти. Но Нарбонну невозможно было долго удерживать только мечом: требовалось заключать союзы, принимать посредничество и при необходимости ме-

нять сторону, не превращая вчерашнего противника во врага навсегда.

В таком мире и выросла будущая виконтесса.

Когда родилась Эрменгарда, Нарбонной правил её отец, Эмери II. Он уже жил внутри того самого противостояния, которое позднее станет частью политической жизни его дочери. Дом виконтов Нарбонны был связан родственными и вассальными отношениями сразу с несколькими силами региона. Союзы здесь редко были окончательными. Сегодняшний покровитель завтра мог оказаться соперником, а опасный сосед — необходимым союзником.

В этом мире происхождение женщины имело такую же политическую ценность, как крепость или земельное владение. Дочь виконта была не только ребёнком и наследницей семьи. Её будущий брак мог изменить соотношение сил вокруг Нарбонны.

Глава 2

Наследница без защиты

17 июля 1134 года под стенами Фраги, на востоке Пиренейского полуострова, погиб виконт Нарбонны Эмери II. Он участвовал в походе Альфонсо I Арагонского, прозванного Воителем, против мусульманских владений. Осада закончилась тяжёлым поражением христианского войска. Для Нарбонны эта далёкая битва имела последствия, которые трудно было бы предугадать по её месту на карте: вместе с виконтом город лишился взрослого наследственного правителя.

Эмери оставил после себя двух дочерей — Эрменгарду и её младшую единокровную сестру Эрмессинду. Сыновья, упоминавшиеся в документах при жизни отца, умерли раньше него. Старшей дочери было, вероятно, около пяти лет. Точная дата её рождения неизвестна: исследователи относят её к 1127–1129 годам. Поэтому в 1134 году вопрос о наследовании был одновременно и вопросом о малолетстве.

В генеалогической таблице всё выглядит просто: Эмери II умер, ему наследовала дочь Эрменгарда. Но такая запись скрывает главное. Пятилетний ребёнок не мог самостоятельно командовать вассалами, вести переговоры, председательствовать в суде, распоряжаться замками или защищать права рода. Эти функции должны были исполнять взрослые от имени наследницы.

Здесь и начиналась опасность.

Нарбонна была слишком значительным владением, чтобы её судьба оставалась семейным делом виконтов. Здесь пересекались интересы Тулузы, Барселоны, виконтского дома Тренкавелей, владевшего Безье и Каркассоном, архиепископа, местной знати и городской общины. Пока виконтство возглавлял взрослый правитель, всем им приходилось иметь дело с ним. После его смерти перед ними оказалась девочка.

Для средневековой аристократии женщина-наследница сама по себе не была юридической невозможностью. Южная Франция знала случаи передачи земель и прав по женской линии, а женщины знатных родов могли владеть имуществом, подтверждать дарения и участвовать в политических соглашениях. Поэтому было бы ошибкой представлять положение Эрменгарды так, будто один её пол автоматически лишал её наследства.

Малолетство превращало виконтство в пространство чужих решений. Кто будет защищать владения девочки, говорить от её имени, принимать клятвы людей её отца, распоряжаться доходами? И наконец, кто решит, за кого она выйдет замуж? Последний вопрос был не семейной подробностью, а одним из важнейших политических вопросов.

Брак наследницы означал доступ к её правам. Муж мог получить возможность действовать от имени жены, участвовать в управлении её владениями, опираться на её вассалов и передать возникшие права следующему поколению. Поэтому

девочка, едва способная понимать смысл собственного титула, уже представляла собой ценнейший династический ресурс.

Источники почти ничего не рассказывают о самой Эрменгарде этих лет. Мы не знаем, где именно она жила после смерти отца, кто занимался её воспитанием каждый день, чему её учили и как она воспринимала произошедшее. Любая подробная картина детства здесь быстро превратилась бы в роман. Документы позволяют увидеть другое — политическое пространство вокруг ребёнка, и оно говорит о её положении больше, чем выдуманные разговоры во дворце.

Даже семейная ситуация была сложнее, чем может показаться. Матерью Эрменгарды была первая жена Эмери II, также носившая имя Эрменгарда. Позднее виконт женился вторично; от этого брака родилась Эрмессинда, младшая единокровная сестра будущей виконтессы. К моменту смерти отца обе девочки были несовершеннолетними. При этом старшая Эрменгарда стала главной наследницей Нарбонны.

Почему наследницей стала именно она? Средневековое наследование не сводилось к одному универсальному закону, одинаковому для всех земель. Значение имели местный обычай, семейные соглашения, права конкретного владения, признание со стороны вассалов и могущественных соседей. В случае Нарбонны документы и последующие события не оставляют сомнения в главном: именно Эрмен-

гарда была признана наследницей виконтского достоинства. Это признание, однако, не заставляло окружающих спокойно ждать её совершеннолетия.

После 1134 года вокруг Нарбонны возникла династическая и сеньориальная неопределённость. Город продолжал жить и управляться: сохранялись власть архиепископа, городские институты, местная знать и люди, служившие покойному виконту; действовали привычные права и связи. Но взрослого главы правящего дома больше не было, а законная наследница не могла самостоятельно занять его место.

Для соседних правителей такая ситуация открывала возможность вмешаться в дела Нарбонны и усилить там своё влияние.

Прежде всего — для Тулузы. Граф Альфонс Иордан давно боролся за влияние в южнофранцузских землях. Нарбонна давала удобную опору у Средиземного моря и усиливала его позиции на пути к Пиренеям. При взрослом самостоятельном виконте добиться этого было трудно; при малолетней наследнице условия менялись.

Вокруг Нарбонны существовало несколько центров силы, и каждый шаг Тулузы затрагивал интересы других. Усиление Альфонса Иордана беспокоило Барселонский дом. Его опасались и те южные сеньоры, которым не хотелось оказаться рядом с ещё более могущественным графом Тулузы. Так судьба Эрменгарды постепенно становилась частью большого регионального противостояния.

Сам ребёнок при этом почти исчезает из источников. Это характерная и важная тишина. Позднее Эрменгарда будет подписывать акты, принимать оммажи, вести переписку и участвовать в соглашениях. В документах зрелых лет она видна как действующий политический субъект. В середине 1130-х годов её имя прежде всего обозначает право, которое другие пытаются сохранить, использовать или поставить под контроль.

Название «Наследница без защиты» требует уточнения. Люди, заинтересованные в сохранении её прав, у Эрменгарды были — иначе она едва ли удержала бы наследство. Но не было взрослого правителя её дома, способного лично распоряжаться военной силой и вассальными обязательствами.

Первые годы после 1134 года восстановить во всех подробностях невозможно. Редкие документы позволяют увидеть лишь итог: девочка сохраняла наследственное право, тогда как окружающие силы всё настойчивее боролись за контроль над Нарбонной. К концу десятилетия граф Тулузы сумел установить там своё господство; постепенный путь к этому известен значительно хуже.

В 1139 году Альфонс Иордан уже распоряжался в Нарбонне как фактический хозяин. Эрменгарда сохраняла титул и наследственные притязания, но была отстранена от управления.

Пока Эрменгарда оставалась ребёнком, действовать от её имени могли только другие — и, защищая наследницу, они защищали собственные интересы.

В средневековой политике покровительство легко становилось способом контроля, а брак, устраняя одного претендента, открывал путь другому.

К концу десятилетия борьба сосредоточилась вокруг брака Эрменгарды. Союз с наследницей открывал путь к Нарбонне, и выбор супруга переставал быть семейным делом. Этим собирался воспользоваться граф Тулузы.

Глава 3

Тулузская ловушка

21 октября 1142 года был составлен документ, который мог окончательно изменить судьбу Нарбонны. В нём Эрменгарда, виконтесса по праву рождения, заявляла о намерении взять графа Тулузы Альфонса Иордана в мужья и передавала ему вместе с собой Нарбонну и всё, что ей принадлежало. В случае рождения детей город должен был перейти к ним. Если же детей не будет, а Альфонс переживёт Эрменгарду, он сохранял Нарбонну до конца своей жизни.

Для Нарбонны это был прежде всего политический акт: брачный договор мог превратить фактическое господство Тулузы в законное и наследуемое право.

К этому времени Альфонс Иордан уже несколько лет распоряжался в городе как хозяин. Но его господство не было незыблемым. Нарбонна не была крепостью, которую достаточно однажды занять и посадить в ней гарнизон. В городе действовали собственная знать, архиепископская власть, консулы, богатые горожане и вассалы виконтов; их лояльность приходилось приобретать и подтверждать.

Опора Альфонса в Нарбонне была не только военной. Среди свидетелей брачного соглашения находились представители городской верхушки, люди, связанные с торговлей и управлением, а также старые местные сеньоры. Архиепископ Арно де

Левезу, один из наиболее влиятельных людей города, давно поддерживал Тулузский дом. За несколько лет Альфонс сумел приобрести сторонников внутри города.

Брак давал Альфонсу значительно больше, чем ещё один союз. Пока граф просто контролировал город, его положение можно было оспаривать как захват. Союз с законной виконтессой менял само основание власти: Эрменгарда сохраняла титул, но её права соединялись с правами мужа. Если бы такой порядок закрепился и появились дети, Нарбонна могла войти в тулузскую династическую систему через наследование.

Точная дата рождения Эрменгарды неизвестна, но в 1142 году она оставалась подростком. Альфонсу Иордану было около сорока. Такая разница в возрасте не была необычной для аристократического брака XII века. Гораздо существеннее различалось их политическое положение: перед зрелым и опытным графом находилась наследница, чьим владением он уже фактически управлял.

Здесь возникает трудность, которую лучше не прятать за удобным рассказом. Точно известно, что 21 октября 1142 года был заключён брачный договор. Но насколько далеко зашло его осуществление, установить труднее. Одни исследователи говорят о браке Эрменгарды и Альфонса и его последующем расторжении, другие считают, что союз так и не был окончательно осуществлён. Поэтому надёжнее говорить о попытке связать наследницу с графом Ту-

лузы и через этот брак закрепить власть над Нарбонной.

Еврейский рассказ о событиях, дошедший как добавление к рукописной традиции «Сефер ха-Каббала», передаёт происходившее ещё резче. В нём говорится, что знатные люди стремились склонить юную наследницу к браку с Альфонсом, тогда как граф Барселоны Рамон Беренгер IV советовал ей отказаться. После этого, по словам автора, город раскололся: одна часть поддерживала виконтессу и её советников, другая — графа Тулузы.

Эта запись появилась не в канцелярии Эрменгарды и не в момент самих событий. Она сохранила рассказ, прошедший через чужую память, и принимать буквально каждую его деталь нельзя. Но одна черта совпадает с тем, что видно и по документам: спор вокруг брака был одновременно борьбой за город и частью более широкого конфликта.

Главным противником Тулузы в этой борьбе был Барселонский дом. Рамон Беренгер IV, граф Барселоны, приходился Эрменгарде родственником и продолжал старую связь двух династий. Прочное утверждение Тулузы в Нарбонне усилило бы главного соперника каталонцев на северной стороне Пиренеев. Город лежал на пути между владениями Барселоны и областями Южной Франции, где у каталонского дома уже были союзники и собственные интересы.

Одной Барселоны для такой борьбы было недостаточно. Против Альфонса выступили и крупные сеньоры самого региона.

Среди них особенно важен Роже I Тренкавель, виконт Каркассона, Альби и Разеса. Владения Тренкавелей располагались по обе стороны от Нарбонны и вдоль дорог, связывавших внутренние области Лангедока со Средиземноморьем. Закрепившись в городе, Альфонс мог вклиниться между различными частями этих земель и получить влияние на важный узел сообщений.

Роже не был постоянным врагом Альфонса. В политике этого времени такие определения редко работали долго. Ещё 26 июня 1142 года, за четыре месяца до брачного соглашения Эрменгарды, после очередной войны между ними был заключён мир. Новый договор менял расстановку сил: временное тулузское присутствие могло превратиться в династическое право графа на Нарбонну. Такой исход явно затрагивал положение Тренкавелей, хотя ход переговоров и личные расчёты Роже нам неизвестны.

К коалиции присоединился и Гуго I, граф Родеза. Родез был центром графства в Руэрге, к северо-западу от Нарбонны. Дом его графов был связан родственными и политическими отношениями и с Нарбонной, и с Барселоной. Гуго также не был неизменным противником Тулузы: союзы менялись вместе с обстоятельствами. Усиление Альфонса могло затронуть и его интересы.

Против графа Тулузы действовал и сеньор Монпелье, недавно сам испытавший вмешательство Альфонса в дела своего города. Так вокруг Эрменгарды сложилась коалиция. Её участники защищали права наследницы, но, вероятно, связывали с победой и собственные расчёты.

Последовавшую войну трудно описывать как рыцарское спасение юной виконтессы. Для Тренкавелей, Барселоны, Родеза и Монпелье возвышение Тулузы создавало разные угрозы; точные мотивы каждого участника восстановить невозможно. Совпадение интересов дало Эрменгарде то, чего у неё не было несколькими годами раньше, — военную и политическую силу, способную вернуть Нарбонну.

В конце 1142 года противники Альфонса начали скреплять новые соглашения. Мир, заключённый летом, рассыпался почти сразу. В 1143 году война возобновилась. Боевые действия шли не только у стен Нарбонны: конфликт затронул земли между Тулузой, Альби, Каркассоном и побережьем. В осаду попадали замки, менялись союзы, вассалам приходилось решать, чьи клятвы считать для себя обязательными.

Для самого города борьба означала не отвлечённое соперничество династий. Согласно еврейскому рассказу, жители Нарбонны разделились на партии, а местная еврейская община была обложена тяжёлым сбором; говорится даже об отъезде многих её членов. Подробности требуют осторожности, но

свидетельство напоминает: цену войны платили не только графы и виконты.

Исход решился в 1143 году. Альфонс Иордан потерпел поражение и оказался пленником своих противников. Теперь уже он должен был соглашаться на условия.

Сохранившийся текст мира показывает, из чего состояла власть в Нарбонне. От Альфонса потребовали не просто уйти из города. Он должен был вернуть Нарбонну Эрменгарде, освободить людей города и области от принесённых ему клятв верности и возвратить документы, в которых эти клятвы были записаны. До исполнения условий граф оставался под стражей одного из людей Тренкавелей.

Власть Альфонса держалась не только на присутствии его людей. За годы господства он получил присяги и оформил отношения с местными сеньорами. Восстановить Эрменгарду означало юридически разорвать эти связи: отменить клятвы, вернуть грамоты и заставить тех, кто признавал графа, вновь определить, кому они обязаны служить.

Эрменгарда теперь впервые появляется не только как наследница, вокруг которой договариваются другие. Она сама вместе с сорока рыцарями Нарбонны принесла клятву соблюдать мир. К договору присоединились Роже Тренкавель и его сторонники, представители других владений и сам Альфонс. Так завершался конфликт, начавшийся с попытки использовать её право на Нарбонну против неё самой.

Мы не знаем, что она думала и насколько самостоятельно участвовала в переговорах: документы не дают такого доступа к её внутренней жизни.

Политическое положение изменилось вполне осязаемо. По условиям мира Нарбонна возвращалась Эрменгарде, людей города освобождали от обязательств перед графом Тулузы, а сам претендент признавал её возвращение. Договор поддерживала вооружённая коалиция и скрепляли клятвы.

1143 год и стал настоящим началом её правления: наследственное право впервые соединилось с возможностью осуществлять его. Брак мог придать захвату вид законного династического союза; война и новый договор разрушили эту конструкцию.

Позднее Эрменгарда будет постоянно действовать через договоры, присяги, личные связи и равновесие союзников. События 1142–1143 годов стали её первым большим политическим испытанием.

Альфонс Иордан потерял Нарбонну, но Тулуза не исчезла с политической карты и ещё не раз станет угрозой для виконтессы. Не исчезли и Тренкавели с Барселоной, чья помощь оказалась решающей. Освобождение от одного сильного соседа не делало Эрменгарду независимой от остальных.

Глава 4

Второй брак и власть

Брак и равновесие сил

После событий 1143 года положение Эрменгарды изменилось: наследница, чьи права долго осуществлялись другими, начала превращаться в действующую правительницу Нарбонны. Альфонс Иордан был побеждён, принесённые ему присяги подлежали отмене, документы — возвращению, а виконтесса вновь становилась законным центром власти. Вскоре после устранения тулузского брачного проекта у Эрменгарды появился другой муж — Бернар д’Андюз.

На первый взгляд всё повторялось. Снова рядом с юной наследницей появлялся взрослый мужчина из влиятельного рода, снова брак заключался в обстановке большой политики, снова решение принималось не в частном мире семьи, а в кругу тех, кто только что воевал за Нарбонну. Результат, однако, оказался совершенно иным. Если союз с Альфонсом Иорданом мог превратить виконтство в часть тулузской династической системы, то брак с Бернаром, напротив, не лишил Эрменгарду самостоятельной власти.

Бернар происходил из рода сеньоров Андюза, владевших землями к северу от Нима, у подножия Севенн. Это был заметный, но не сопоставимый с Тулузским домом по силе род. Андюзы были тесно

связаны с Тренкавелями и находились в том политическом кругу, который выступил против Альфонса Иордана. Бернар приходился родственником сеньорам Монпелье, был знаком с окружением отца Эрменгарды и, по всей вероятности, уже имел за плечами долгую взрослую жизнь: он был вдовцом и имел детей от прежнего брака.

Выбор Бернара трудно считать случайным, хотя точный ход переговоров нам неизвестен. Можно предположить, что после войны такой союз отвечал интересам победившей коалиции: муж из знатного и связанного с нею рода укреплял положение Эрменгарды, но не обладал силой Альфонса Иордана. Бернар был достаточно знатен для брака с виконтессой и при этом едва ли мог поглотить Нарбонну собственными владениями.

О том, как относилась к этому браку сама Эрменгарда, источники молчат. Это молчание особенно соблазнительно заполнить догадками. Можно вообразить облегчение после несостоявшегося союза с Альфонсом, можно — раздражение от того, что её снова выдали замуж по политическому расчёту. Ни того ни другого мы не знаем. В распоряжении историка остаются не чувства супругов, а документы и последствия брака. И они говорят о гораздо более интересной вещи.

Бернар получил положение мужа виконтессы, но не стал вместо неё виконтом Нарбонны в том смысле, в каком Альфонс Иордан стремился стать хозяином города. Сохранилось свидетельство, что

некоторые люди Нарбонны приносили Бернару присягу. Значит, его присутствие не было чистой формальностью. Он занимал признанное место рядом с Эрменгардой и мог пользоваться теми правами, которые средневековое общество связывало с браком и положением мужа.

В сохранившейся присяге есть деталь, почти важнее самой присяги. По толкованию Шейетта, её условия подразумевали, что в случае смерти Эрменгарды без потомства виконтство унаследует её единокровная сестра Эрмессинда, а не Бернар. Присяга мужу не отменяла наследственных прав рода виконтессы.

Для XII века здесь нет никакого чуда и никакого нарушения законов эпохи. На юге Франции женщины могли наследовать земли и титулы, а муж наследницы далеко не всегда поглощал её владение в собственное. Но возможность ещё не означала неизбежность. Всё зависело от конкретного брачного соглашения, соотношения сил, обычая, родственных прав и способности самой наследницы удержать своё положение. История Эрменгарды потому и важна, что в её случае юридическая возможность превратилась в многолетнюю политическую практику.

Правительница

Бернар почти не виден в документах, связанных с управлением Нарбонной. Это отсутствие само по себе не доказывает, что он никогда не участвовал в

делах жены: сохранилась лишь часть актов XII века, и молчание архива всегда требует осторожности. Но контраст слишком заметен, чтобы его игнорировать. Эрменгарда документирована как виконтесса, принимающая решения, получающая клятвы, распоряжающаяся правами и имуществом. Имя её мужа в нарбоннских актах почти исчезает.

Зато вне Нарбонны Бернар не исчезает. Он продолжал жить жизнью южнофранцузского сеньора, связанного с собственным родом и союзниками. В 1148 году он участвовал вместе с Рамоном Беренгером IV Барселонским в осаде Тортосы — одном из больших походов христианских правителей Иберийского полуострова против мусульманских владений в долине Эбро. Позднее его имя встречается в окружении Монпелье. Перед нами не человек, растворившийся в тени супруги, а сеньор со своими землями, связями и делами. Его политическая жизнь проходила главным образом не в Нарбонне.

Для аристократии XII века супруги могли владеть разными землями, иметь собственные сети вассалов и проводить значительную часть времени порознь. Брак связывал роды, определял наследование и взаимные обязательства, но не обязательно объединял владения мужа и жены под единым управлением.

В случае Эрменгарды это обстоятельство имело особое значение. Её титул происходил не от мужа. Она была виконтессой потому, что унаследовала Нарбонну от своего отца, Эмери II. Бернар не пода-

рил ей власть, не передал ей права и не сделал её правительницей своим отсутствием. Её право существовало до него. Вопрос состоял лишь в том, сумеет ли оно пережить брак.

С Альфонсом Иорданом ответ едва не оказался отрицательным. Брачный договор 1142 года прямо создавал для графа Тулузы возможность удерживать Нарбонну, а при наличии общих детей — закрепить её в новой династической линии. С Бернаром устройство оказалось обратным. Муж присутствовал, но виконтство оставалось владением Эрменгарды. Это различие объясняет, почему один брак вызвал войну, а другой помог войну закончить.

Брак с Андюзом соединял Эрменгарду с кругом Тренкавелей и Монпелье. После смерти архиепископа Арно де Левезу в 1149 году нарбоннскую кафедру занял Пьер д'Андюз, по принятой реконструкции — брат Бернара. Светская и церковная власть города не слились в руках одной семьи, но такое родство имело политический вес. Люди, связанные с мужем виконтессы, занимали важные места среди её союзников.

Можно было бы ожидать, что именно теперь начнётся превращение Нарбонны в зависимое владение Андюзов. Этого не произошло. Сама по себе родственная сеть не отменила отдельности виконтства. Эрменгарда продолжала выступать в документах от собственного имени. Ей приносили оммаж и клятвы верности как госпоже. Сделки и соглашения строились вокруг её прав, а не вокруг прав мужа.

В одной из сохранившихся клятв вассал формулировал своё отношение к ней предельно ясно: он обязуется быть верным Эрменгарде, виконтессе Нарбоннской, как человек должен быть верен своей госпоже. Такая формула не была комплиментом и не имела отношения к куртуазной поэзии. Она описывала юридическую и политическую связь. Человек признавал над собой женщину-сеньора и обещал защищать её права, замки и владения.

Подобные документы заставляют осторожнее обращаться с привычным вопросом: «Как женщина могла править в XII веке?» Но такая постановка вопроса не вполне верна. Средневековое общество не исходило из современного принципа равенства мужчин и женщин, и ограничения для женщин были реальны. Но власть определялась не только полом. Она определялась наследством, родством, титулом, вассальными связями, правом на землю, поддержкой родственников и способностью заставить окружающих признать эти права. Если женщина была законной наследницей, перед обществом вставал не отвлечённый вопрос о допустимости женской власти, а практический вопрос: кто именно имеет право на конкретный замок, доход, суд или присягу.

Эрменгарда оказалась в положении, где её женский пол одновременно создавал опасность и давал ей особую форму власти. Опасность была очевидна: через её брак другой род мог попытаться получить Нарбонну. Но именно поэтому права виконтессы

приходилось обозначать особенно точно. Люди присягали ей не потому, что забывали о существовании мужа, а потому, что источником законного владения оставалась она.

Эрменгарда не жила вне системы мужских союзов и не могла игнорировать её правила. Её возвращение обеспечили в основном мужчины — графы, виконты, рыцари, родственники и вассалы, каждый со своими интересами. Новый муж тоже был частью этой системы. Архиепископ, соседние сеньоры, Тренкавели, Барселона — без их отношений с Нарбонной её власть трудно представить.

Зависимость от союзов не делала власть фиктивной. Ни один правитель XII века, включая самых могущественных графов, не правил в одиночку. Их власть также держалась на людях, клятвах, родстве и способности договариваться. Разница заключалась в масштабе ресурсов и в том, насколько прочно каждый правитель мог заставить эту сеть работать на себя.

После 1143 года меняется место Эрменгарды в документах. Перемена видна по действиям, совершаемым от её имени, и по обязательствам, которые принимали уже перед ней.

В ранних актах Эрменгарда была прежде всего объектом договорённостей. Её выдавали замуж, за её город воевали, её права использовали как основание для союза. После возвращения в Нарбонну она всё чаще становится тем человеком, к которому обращены клятвы и от имени которого совершаются

действия. Это медленный, почти канцелярский переход, но для понимания её биографии он важнее любой придуманной сцены взросления.

Второй брак помог сделать этот переход возможным именно потому, что не стал центром политической жизни Эрменгарды. Пока Бернар оставался жив, она уже не была свободной невестой, вокруг которой можно было строить новый династический проект. При этом муж не стал новым хозяином Нарбонны.

Такой союз, вероятно, отвечал разным интересам. Андюзы укрепляли своё положение, круг Тренкавелей получал дополнительную связь с Нарбонной, а виконтство оставалось за Эрменгардой. Отсутствие детей от этого брака, насколько позволяют судить источники, не передало Нарбонну родственникам Бернара: права сохранялись в линии виконтессы.

Здесь особенно хорошо видно, насколько обманчиво слово «слабость», когда речь идёт о средневековой наследнице. В 1130-х годах Эрменгарда действительно была уязвима. Но её уязвимость заключалась не в том, что женщина якобы не могла обладать властью. Она была ребёнком, её отец погиб, вокруг Нарбонны сталкивались более сильные соседи, а институтов, которые автоматически защищали бы права малолетнего наследника, не существовало. После 1143 года часть этих условий изменилась. Она выросла, получила союзников, вернула город и оказалась внутри сети, которая признавала её правительницей.

Бернар д’Андюз остаётся в её биографии фигурой необычной: политически значимым мужем, почти не заметным в нарбоннских актах. Молчание сохранившегося архива не доказывает полного неучастия Бернара, но документы последовательно показывают, что власть в виконтстве оформлялась вокруг Эрменгарды.

Мы почти ничего не знаем об их совместной жизни. Надёжно другое: Бернар оставался жив по крайней мере в начале 1150-х годов, когда Эрменгарда уже действовала как самостоятельная виконтесса. Значит, её власть не нужно объяснять вдовством или отсутствием мужа. Она правила при живом супруге, потому что Нарбонна принадлежала ей по наследственному праву.

Глава 5

Ремесло власти

Власть как сеть

После второго брака Эрменгарда перестаёт быть прежде всего наследницей, за которую решают другие. В документах середины XII века она уже действует как человек, от имени которого требуют, обещают, судят и договариваются. Но «правление» здесь нельзя понимать как работу единой администрации, чьи распоряжения автоматически действовали внутри очерченной границы. Власть виконтессы поддерживалась отношениями с вассалами, соседними сеньорами, церковью, городскими людьми и держателями замков.

Эта система держалась не на одном титуле. Наследственное право давало Эрменгарде исходную позицию, но само по себе не заставляло никого повиноваться. Каждый замок имел своих держателей и свои обычаи, каждый крупный род — собственные связи, каждый сосед мог быть союзником в одном споре и противником в другом. Даже человек, называвший себя вассалом, не превращался от этого в безусловно подчинённого слугу. Его обязанности определялись клятвой, держанием земли, прежними соглашениями и тем, что обе стороны считали законным. В одной из сохранившихся клятв это звучало так: «Я, Бернар, сын Фиды, буду верен тебе,

Эрменгарда, виконтесса Нарбонны, дочь покойной Эрменгарды, истинной верностью, без обмана…»

Средневековая власть существовала в движении. Правителю нужно было присутствовать там, где возникал спор, принимать клятвы, подтверждать права, выслушивать жалобы, посылать людей к соседям, искать посредников и снова заключать соглашения, если старые переставали работать. Документ не заменял личной связи, а закреплял её; печать свидетельствовала, что стороны признали определённый порядок и готовы хотя бы на время ему следовать.

В этом отношении Нарбонна была особенно неудобным владением. Город был богат, важен для торговли и окружён землями, где права разных господ переплетались. Виконтесса владела не сплошной территорией, очерченной на карте ровной линией. Её власть состояла из прав на людей, замки, доходы, пошлины, земли и услуги, причём рядом существовали права архиепископа, городских общин, монастырей и соседних баронов. Управлять таким владением означало постоянно уточнять, где заканчивается одно право и начинается другое.

В Нарбонне чеканили и монету с именем самой виконтессы. На одной стороне стояло «ERMANGARD», на другой — «NARBONE CIVI», «город Нарбонна».

Экономическая сила Нарбонны складывалась из нескольких источников. Город был связан с морем через реку Од и лагуны, участвовал в средиземно-

морской торговле, взимал пошлины с товаров и людей, а его окрестности давали доход от соляных промыслов. Договоры с Генуей и Пизой показывают, что Нарбонна входила в круг интересов крупных морских торговых центров. Поэтому борьба за город была борьбой не только за престижный титул, но и за доступ к доходам, дорогам, рынкам и людям, через которых проходила торговля.

Но это богатство не было единой казной виконтессы. Часть прав принадлежала архиепископу и кафедральной церкви, часть зависела от городского сообщества, часть была связана с вассалами, замками, монастырями и старыми обычаями. Эрменгарда могла распоряжаться пошлинами, давать льготы, спорить о сборах и защищать своих людей, но не управляла Нарбонной как государь позднейшего времени. Её ресурсы были значительными, потому что Нарбонна стоила борьбы; они же оставались ограниченными, потому что почти каждый доход был встроен в систему чужих прав и встречных притязаний.

Хороший пример даёт клятва верности, принесённая Эрменгардой Раймону Тренкавелю 20 июля 1151 года. На первый взгляд она может показаться странной: правительница Нарбонны сама обещает верность соседнему виконту Безье. Но для XII века здесь нет унижения. Эрменгарда обязуется не посягать на города, крепости, наследственные и вассальные владения и людей Тренкавеля и помогать ему против тех, кто нарушит его права. При этом она

перечисляет исключения — графа Барселоны, графа Тулузы, архиепископа Нарбонны и собственных людей, в отношении которых обязуется действовать по праву.

Сам перечень исключений важнее торжественных слов о верности. Он показывает реальное устройство её политического мира. Нельзя было просто выбрать одного союзника и объявить всех остальных врагами. Обязательства наслаивались друг на друга. Эрменгарда была связана с Тренкавелем, но не могла обещать ему помощь ценой войны со всеми остальными. Она заранее оговаривала границы своей клятвы. Власть здесь проявлялась не в возможности приказать всем, а в умении точно определить, кому и что ты обязан — и кто обязан тебе.

Такие акты показывают Эрменгарду внутри густой сети договорённостей — с крупными соседями, держателями небольших крепостей, церквями и монастырями. Пока эти связи сохранялись, её власть действовала; одного титула было недостаточно.

В 1153 году эта связь получила неожиданное продолжение. Оказавшись в плену у Раймона V Тулузского, Раймон Тренкавель поручил графу Барселоны заботу о жене и детях, но старшего сына Роже оставил под защитой Эрменгарды и на её службе.

Поручение говорило о положении виконтессы больше, чем титул. Ей доверяли будущего наследника Тренкавелей и людей его отца — часть связей,

от которых зависела судьба их владений. Здесь Эрменгарда выступала гарантом чужого династического порядка. Такую роль не отдали бы правительнице с непрочным авторитетом.

Замки, клятвы и деньги

В 1152 году Эрменгарда издала хартию в пользу цистерцианского аббатства Сильванес. Она освободила монахов от леды — торговой пошлины — на товары, которые они продавали или покупали в Нарбонне. По масштабу это незначительная мера, но именно такие документы позволяют увидеть, чем занималась власть в обычный день.

Пошлина означала деньги, а освобождение от неё подтверждало право Эрменгарды распоряжаться частью городских доходов. Для монастыря льгота имела материальную ценность; для виконтессы это был одновременно благочестивый дар и способ укрепить отношения с крупным землевладельцем.

Год спустя возник спор совсем другого рода. Гийом де Дюрбан и его сыновья восстановили замок Монсере, который, по словам Эрменгарды, ещё её отец Эмери II приказал разрушить в наказание. Виконтесса заявила, что крепость возведена вновь силой и против её воли. Дело рассматривалось при её дворе, а завершилось соглашением: один из сыновей Гийома должен был принести Эрменгарде клятву за замок. Она, со своей стороны, принимала семью в свою верность и отказывалась от остальных претензий.

Спор касался не отвлечённого права, а конкретной крепости. Замок контролировал дорогу, окрестные земли и людей; клятва его держателя означала признание власти виконтессы.

Эрменгарда не конфисковала Монсере. Соглашение сохраняло положение Дюрбанов, но подтверждало её верховное право. Для правителя с ограниченными ресурсами такой компромисс мог быть полезнее попытки добиться полного подчинения силой.

В той же хартии есть ещё одна характерная деталь. Клятва была связана прежде всего с самой Эрменгардой и её возможными детьми. Если детей не будет, обязательство не должно было автоматически переноситься на любого будущего наследника. Значит, эта связь была выстроена очень точно и зависела от конкретного человека. Эрменгарда умела собирать вокруг себя обязательства, но далеко не все они превращались в безличные права виконтства, которые автоматически переходили дальше.

Правление как договор

Одно из сохранившихся соглашений касается спора Эрменгарды с Раймоном Тренкавелем. Это был тот самый сосед, которому она приносила клятву верности. Разногласие касалось соляных промыслов, пошлин и сборов с людей обеих сторон. Судя по соглашению, Эрменгарда пыталась увеличить сборы с людей Тренкавеля, а Тренкавель — с людей Эрменгарды.

Акт приписывает решение графу Барселоны Рамону Беренгеру и его двору. Было решено вернуться к прежнему порядку: новые сборы, введённые после предыдущих соглашений, отменялись, а стороны обязались впредь не превышать установленного размера. Союз и конфликт не противоречили друг другу: соседи могли быть связаны клятвами и одновременно спорить из-за денег.

Соль была слишком важным товаром, чтобы вопрос о пошлине считать мелочью. Нарбоннские соляные промыслы давали доход и были связаны с торговлей далеко за пределами города. Попытка увеличить сборы затрагивала не только кошелёк отдельного купца. Она меняла соотношение прав между двумя владениями. Поэтому спор быстро становился политическим, а для его решения требовался авторитет третьей стороны.

Обращение к арбитражу само по себе не делало Эрменгарду зависимой от Барселоны. Рамон Беренгер был гораздо сильнее её и занимал в регионе положение, с которым приходилось считаться. Именно поэтому его двор мог стать местом, где соглашение получало дополнительный вес. Если два правителя не могли навязать друг другу решение, они искали арбитра, чья репутация и сила делали компромисс более устойчивым.

Эрменгарда действует в этих документах теми же средствами, что и мужчины её круга: приносит и принимает клятвы, спорит о замках, распоряжается пошлинами, отстаивает права своих людей, заклю-

чает мир и обращается к посредникам. Женский пол мог становиться аргументом против неё, но повседневная практика её правления уже давно была для окружающих фактом.

В 1174 году договорная политика Эрменгарды вышла за пределы отношений с ближайшими соседями. 4 марта представитель виконтессы, её племянника и соправителя Эмери де Лары (сына её единокровной сестры Эрмессинды), городских консулов и других жителей Нарбонны заключил мирное и торговое соглашение с Пизой. Оно возобновляло союз, прерванный договором с Генуей, и возвращало городу опору в соперничестве двух морских республик.

Состав нарбоннской стороны особенно важен. Рядом действовали виконтесса, наследник-соправитель и представители города. Один документ соединял три стороны правления: средиземноморскую торговлю, участие городского сообщества в общих решениях и введение Эмери в управление. Власть снова представала не одним голосом, а согласованным действием нескольких сил.

Было бы ошибкой превращать Эрменгарду в маленького абсолютного монарха. Она не могла по своему желанию переписать местные обычаи, отобрать любой замок или бесконечно увеличивать сборы. Сопротивление возникало, когда другая сторона считала её требования выходящими за прежние договорённости. Распоряжение имело силу,

если опиралось на наследственное право, клятву, соглашение, суд или обычай.

Её положение определялось прочностью связей, которые она могла поддерживать. Клятва держателя замка, монастырская привилегия, посредничество в споре, возвращение пошлины к прежней норме — из таких решений складывалось правление.

Такая система давала большой простор сильной личности, но её было трудно передать преемнику вместе с печатью и титулом.

В середине XII века это ещё не выглядело проблемой. Документы показывают виконтессу в момент, когда система работает: её право признают, а заключённые с ней соглашения нуждаются в формальном закреплении. Даже конфликт свидетельствует о весе её требований — с тем, кто ничего не решает, не спорят о замках и пошлинах и не зовут влиятельного графа посредником.

Так складывается образ Эрменгарды как профессионального правителя своей эпохи. Её работа состояла из последовательности дел, большинство из которых не попадало в хроники именно потому, что не выглядело великими событиями. Но без них ни крупный союз, ни война, ни титул не имели бы смысла.

Глава 6

Дело Беренгара

Спор о подчинении

В 1164 году один из людей Эрменгарды оспорил не отдельное распоряжение, а само право виконтессы судить его. Так возникло дело Беренгара де Пюизергье — редкий случай, когда конфликт XII века можно проследить не только по позднему рассказу, но и по письмам его участников.

Беренгар был рыцарем и держателем Пюизергье, укреплённого владения к северу от Нарбонны. Судя по сохранившейся переписке, одним из поводов к столкновению могла стать пошлина, которую он взимал на дороге через свои земли. Письма Эрменгарды и её сторонников представляют дело так: виконтесса потребовала прекратить сбор и явиться к ней для разбирательства, а Беренгар не подчинился. Его дальнейшие притязания позволяют предположить, что он добивался признания прямого подчинения французскому королю и тем самым оспаривал юрисдикцию Эрменгарды над Пюизергье. Восстановить из этих писем единую и заранее продуманную юридическую стратегию Беренгара невозможно.

Сам спор мог показаться техническим: кому принадлежит право требовать пошлину и кто чей вассал. Для Эрменгарды вопрос был шире. Если бы притязание Беренгара признали, другие держатели

замков получили бы основание уклоняться от её суда. Оспаривался один из основных элементов сеньориальной власти — право разбирать дела своих людей и требовать исполнения решения.

Эрменгарда написала Людовику VII ещё до того, как Беренгар добрался до королевского двора. Тон письма почтительный, но просьба предельно конкретна. Она предупреждает короля, что рыцарь, который «должен подлежать моей юрисдикции», пытается с помощью королевского покровительства выйти из-под её власти. Виконтесса просит не доверять его доводам и вернуть его к ней. Если же у короля есть сомнения, она готова сама предстать вместе с Беренгаром перед епископами, которых Людовик назовёт.

Эта последняя оговорка важна. Эрменгарда не требует, чтобы король просто подтвердил её правоту по дружбе: она предлагает процедуру, в которой обе стороны могут быть выслушаны. Одновременно напоминает Людовику о собственной лояльности — по его просьбе поддерживает мир с графом Тулузы и готова выступить против его врагов. Письмо устроено практично: сначала право, затем готовность к суду, затем напоминание о политической услуге.

Письма к королю

В политическом смысле Беренгар ехал ко двору не один. Его поддержали люди, связанные с ним собственными обязательствами или заинтересованные в исходе спора. Гийом VII, сеньор Монпелье, выступил на стороне Эрменгарды и напомнил королю, что Беренгар служил ей так же, как прежде служил её предкам. Но из Тулузы пришла совсем другая версия.

Здесь в переписке появляется Констанция Французская. Она была дочерью короля Людовика VI, родной сестрой Людовика VII и женой Раймона V, графа Тулузы, который одновременно носил титул герцога Нарбонны. Поэтому её письмо было не просто просьбой родственницы за знакомого рыцаря. За ним стоял один из главных политических домов юга Франции.

Констанция обращается к брату прямо. Беренгар, пишет она, предан ей и её детям, а его враги пытаются причинить ему вред. По словам людей, живущих рядом с Пюизергье, замок должен находиться непосредственно в руках короля, «без посредника». Этим посредником и была Эрменгарда. Раймон V также поддерживал Беренгара, называя его человеком короля и своим другом. Спор о вассальной зависимости быстро превратился в столкновение двух политических сетей.

Сохранившиеся письма не дают протокола королевского суда и не позволяют восстановить каждую стадию дела. Беренгара мы видим главным образом глазами его противников и сторонников; его собственное изложение позиции до нас не дошло. Судя по последующей переписке, он сначала добился в королевском окружении решения или обещания, которое мог считать благоприятным. Во всяком случае, простого распоряжения «вернуться под власть виконтессы» не последовало. На этой стадии в споре появился аргумент, затрагивавший уже не старую клятву, а само право Эрменгарды судить.

В Нарбонне и соседних землях всё заметнее обращались к римскому праву, которое в XII веке вновь становилось важным юридическим языком юга Европы. В королевском ответе упомянут довод, основанный на законах императоров: вправе ли женщина осуществлять судебную власть. Мы не знаем, кто первым ввёл его в спор и как именно он был сформулирован. Но вопрос оказался шире происхождения вассальной связи: даже если предки Беренгара зависели от виконтов Нарбонны, могла ли женщина, унаследовавшая сеньорию, лично судить вассала?

Такой поворот был для Эрменгарды опаснее первоначального спора. Пошлину можно было отменить или оставить, вассальную клятву — истолковать, свидетелей — выслушать. Но если сама женщина считалась неспособной вершить суд, под сомнением оказывались десятки отношений, на ко-

торых держалось её правление. Виконтесса могла владеть землями, получать доходы и заключать договоры, но без признанного права суда её власть становилась неполной.

Право судить

Эрменгарда снова обратилась к Людовику VII. На этот раз её интересы представляли два посланца — аббат нарбоннского монастыря Святого Павла и Пьер Раймон, один из должностных лиц Нарбонны, связанный с судебным и административным управлением. Ответ короля сохранился, и это один из самых выразительных документов её правления.

Людовик начинает с самой проблемы. Ему сообщили, пишет он, что в землях Эрменгарды при разборе дел ссылаются на законы императоров, которые не допускают женщин к судебной власти. Затем король противопоставляет этому обычай своего королевства. Если нет наследника-мужчины, женщина может наследовать владение и управлять им. Людовик относит Нарбонну к своему королевству и потому предписывает Эрменгарде следовать его обычаю, а не правилу соседних имперских земель.

Дальше письмо становится почти приказом: «Сядь же разбирать дела». Король велит ей рассматривать тяжбы и не уступать тем, кто ссылается на её пол. Финальная формула ещё определённее: королевской властью никому не позволено укло-

няться от юрисдикции Эрменгарды только потому, что она женщина.

Язык письма при всём этом далёк от идеи равноправия в современном смысле. Людовик называет мужчину «лучшим полом» и добавляет, что Бог создал Эрменгарду женщиной, хотя мог создать мужчиной. Для XII века подобная формула не выглядела противоречивой: признать женщину законной наследницей и правительницей вовсе не значило поставить оба пола на одну ступень в теории. Король не отменял привычную иерархию представлений. Он делал практический вывод: раз женщина законно унаследовала власть, пол не может служить поводом отказаться от её суда.

Эрменгарда выиграла не спор о том, способны ли женщины вообще быть судьями. Людовик не создавал общего закона для всех женщин королевства: он защищал наследственную юрисдикцию конкретной знатной правительницы и одновременно утверждал, какой правовой обычай должен действовать в Нарбонне. Для виконтессы результат был вполне осязаемым — главный юридический аргумент против её власти король отверг.

Одно письмо, разумеется, не решало проблему раз и навсегда. Королевское подтверждение усиливало позицию Эрменгарды, но его ещё нужно было признавать на месте, а каждый следующий конфликт снова требовал людей, свидетелей и политической поддержки. Даже последовательность королевских решений по делу Беренгара не вполне

ясна: вероятно, Людовик сначала отнёсся к его притязаниям благожелательно, а затем уточнил или изменил позицию после обращения Эрменгарды.

Есть и маленькая деталь, которая хорошо показывает, насколько право и политика тогда были переплетены. В другом письме того же года Эрменгарда извиняется перед Людовиком за задержку с отправкой обещанного коня: подходящего животного для короля она ещё не нашла и обещает послать лучшего, какой найдётся в её земле. Историки предполагали, что дорогой подарок мог быть связан с королевской поддержкой в деле Беренгара. Само письмо этого не говорит, поэтому превращать коня в цену судебного решения нельзя. Но обмен услугами, дарами и покровительством был обычной частью тех отношений, внутри которых действовало и право.

Для биографии Эрменгарды дело Беренгара важно потому, что здесь её власть видна в момент испытания. В 1164 году её пол стал юридическим аргументом против права на суд. Виконтесса не передала дело мужчине и не согласилась на роль формальной владелицы: она обратилась к той высшей власти, которую сама признавала, и добилась подтверждения своей юрисдикции.

Победа была значительной, но показывала и пределы её положения. Чтобы защитить собственную юрисдикцию, Эрменгарде понадобилась поддержка Людовика VII; чтобы удерживать Нарбонну, приходилось считаться с Тулузой, соседними сеньорами и

теми, кто мог вынести местный спор на более высокий уровень. Королевское решение подтверждало право конкретной наследственной сеньоры, а не универсальное право всех женщин судить.

Глава 7

Между Тулузой, Барселоной и королём Франции

После смерти союзника

К 1162 году Эрменгарда была уже совсем не той наследницей, вокруг которой двадцать лет назад спорили более сильные мужчины. Ей было примерно тридцать три — тридцать пять лет, и почти два десятилетия она самостоятельно правила Нарбонной. За это время она пережила войну за наследство, второй брак и многочисленные споры с вассалами и соседями, научилась заключать соглашения и обращаться к королевской власти, когда местных средств не хватало.

Теперь начал меняться сам политический мир, в котором она научилась действовать.

Летом 1162 года Эрменгарда находилась в Провансе среди сил, осаждавших владения рода де Бо. В той же кампании участвовал Рамон Беренгер IV Барселонский — один из важнейших союзников её молодости. Именно Барселонский дом сыграл решающую роль в борьбе против Альфонса Иордана в 1142–1143 годах. Связь с Барселоной не делала Эрменгарду зависимой исполнительницей чужой воли, но давала ей мощную опору против Тулузы и включала Нарбонну в широкую систему союзов по обе стороны Пиренеев.

6 августа Рамон Беренгер IV умер по дороге в Пьемонт. Его старшему сыну было всего пять лет. Мальчик, носивший сначала имя Рамон Беренгер, позднее стал королём Арагона Альфонсом II. Владения Барселонского дома никуда не исчезли и со временем вновь превратились в крупную силу. Но в 1162 году произошёл неизбежный разрыв: вместо опытного правителя, десятилетиями лично участвовавшего в войнах и соглашениях Южной Франции, во главе династии оказался ребёнок.

Для Эрменгарды его смерть означала больше, чем потерю родственника и союзника: менялось само равновесие, на котором держалась её внешняя политика.

В Тулузе правил Раймон V, сын Альфонса Иордана. Его политика не ограничивалась борьбой за Нарбонну: он стремился усилить власть Тулузы в Лангедоке и Провансе и подчинить или нейтрализовать соседние владения.

Раймон продолжал носить старый титул герцога Нарбонны. Этот титул не означал, что он управлял самим городом: реальная власть там принадлежала виконтессе, архиепископу и городским институтам. Но титул напоминал о притязании Тулузского дома на более высокое положение в регионе. Пока за спиной Эрменгарды стояла сильная Барселона, превратить это притязание в прямой контроль было трудно. После 1162 года возможность стала реальнее.

Начинался новый этап её правления. В молодости ей пришлось отбиваться от Тулузы при помощи Барселоны; теперь прежняя схема переставала работать автоматически.

Смена союзов

Средневековая политика редко знала вечных союзников. В 1159 году Эрменгарда ещё находилась в большой коалиции против Раймона V вместе с Генрихом II Английским, Рамоном Беренгером IV, Тренкавелями и Монпелье. Двенадцать лет спустя политическая комбинация выглядела уже иначе.

Особенно многое изменилось после гибели Раймона Тренкавеля. 15 октября 1167 года его убили горожане Безье в церкви Святой Марии Магдалины. Его сын Роже II унаследовал важнейшие владения вокруг Нарбонны — Безье, Каркассон, Разес и Альби, — но Раймон V попытался использовать смену поколения и поставить эти земли под собственный контроль. Началась новая борьба, в которой молодой Тренкавель сначала опирался на Арагон и каталонцев. В 1169 году с их помощью он вернул Безье.

И этот союз не оказался постоянным. К 1171 году Раймон V сумел примириться с Роже. Тулузский граф признал его права, а соглашение было подкреплено браком Роже с дочерью Раймона. Эрменгарда в этих переговорах выступала уже не как противница Тулузы: она участвовала в сближении сторон и помогала складывать новую систему отношений.

Поворот не означал перехода из одной постоянной «партии» в другую. После смерти Рамона Беренгера IV Барселонский дом переживал смену поколения, Тренкавели искали способ сохранить владения, а Тулуза усиливалась. Эрменгарда приспосабливала связи Нарбонны к новому соотношению сил, не подчиняя город Тулузе.

В 1173 году Эрменгарда написала Людовику VII. Непосредственным контекстом письма был оммаж, принесённый Раймоном V Генриху II: тулузский граф признал его сюзереном, и влияние Плантагенетов на юге заметно усилилось. Для французского короля и его союзников это меняло расстановку сил. Генрих II был не только королём Англии, но и супругом Алиеноры Аквитанской, через которую мог предъявлять старые династические притязания на Тулузу.

В письме Эрменгарда уверяет Людовика, что не заключала соглашений с врагами французской короны и намерена оставаться ему верной. Но тут же говорит о необходимости защищать интересы Тулузы и убеждает короля активнее вмешаться в события на юге. Это лишь кажется противоречием: поддержка Раймона V против чрезмерного усиления Плантагенетов не означала признания его притязаний на Нарбонну.

Людовик VII, Раймон V и сама виконтесса занимали разные места в одной системе отношений. Поддерживать Тулузу против Плантагенетов не значило признавать за ней право распоряжаться

Нарбонной; верность французскому королю не предполагала его повседневного управления югом. Каждая связь имела собственные пределы.

Особенно характерно, что Эрменгарда просила Людовика не ограничиваться письмами и посланниками. Она хотела его присутствия. Для неё король был полезен не как далёкий символ, а как сила, само появление которой могло изменить расчёты местных правителей. Королевская власть на юге Франции ещё не была тем административным контролем, каким станет позднее. Но королевское имя, арбитраж и личное присутствие могли стать весомым политическим ресурсом.

Так Эрменгарда использовала сразу несколько уровней власти: с Тулузой можно было заключать соглашение, к королю Франции — обращаться против чрезмерного давления извне, с Арагоном — сохранять возможность нового союза. Ни одна из этих связей не должна была становиться окончательной.

Посредница и цель

К середине 1170-х годов положение Эрменгарды в региональной политике хорошо видно по роли, которую ей доверяли уже не её собственные вассалы, а крупнейшие правители юга.

18 апреля 1176 года на острове Жарнег (Jarnègues) в Роне, между Тарасконом и Бокером, был заключён мирный договор между Раймоном V Тулузским и Альфонсо II Арагонским, завершивший очередной этап их борьбы за Прованс. По его условиям Раймон

отказывался от части своих провансальских притязаний, а арагонская сторона выплачивала крупную денежную компенсацию.

Эрменгарда была там не случайной свидетельницей. Она входила в число посредников со стороны Раймона V, что свидетельствует о её признанном политическом весе. Стороны рассчитывали на человека, знакомого с интересами обоих лагерей и способного придать соглашению дополнительную устойчивость.

К этому времени Эрменгарде было примерно сорок семь — сорок девять лет. Большинство людей, рядом с которыми начиналось её правление, исчезло. На месте Рамона Беренгера IV действовал его выросший сын. Раймона Тренкавеля сменил Роже II. В самой Тулузе правил сын Альфонса Иордана. Эрменгарда оставалась одной из немногих фигур, связывавших новое поколение правителей с политическим миром 1140-х годов.

Дипломатический вес Эрменгарды не делал её равной великим соседям по объёму силы.

Всего через год после мира на Роне Раймон V занял Нарбонну.

Подробности этого захвата восстановить трудно, и источники не дают возможности описать его как последовательность сцен. Надёжно известно главное: в 1177 году тулузский граф на короткое время вытеснил Эрменгарду из города. Для неё история словно повторилась. Когда она была ребёнком,

Нарбонну захватил Альфонс Иордан. Теперь то же сделал его сын.

Между двумя захватами, однако, лежала почти вся её политическая жизнь.

В 1139 году Эрменгарда была малолетней наследницей, за которую действовали другие. В 1177 году перед Раймоном V стояла правительница, которая сама умела собирать союз. Против Тулузы снова сложилась коалиция, связавшая Нарбонну с Тренкавелями, Монпелье и Арагонским домом. Союзники обещали не допустить, чтобы Раймон или его сын закрепились в Нарбонне, и продолжать войну, пока город не будет возвращён представителю рода Эмери Нарбоннского или Альфонсо II Арагонскому. Главе Барселонского дома они готовы были передать Нарбонну, лишь бы она не осталась в руках Раймона V.

Формула показательна. Защищали не абстрактную независимость города и не женское право как принцип. Защищали конкретный династический порядок и равновесие, при котором Нарбонна не должна была оказаться у Тулузы.

Раймону V не удалось удержать город. Эрменгарда вернулась к власти.

Это была победа, но не доказательство неуязвимости. События 1177 года обнажили предел системы, которую Эрменгарда строила десятилетиями. Нарбонна могла сохранять самостоятельность, пока вокруг неё существовал баланс более крупных сил и виконтесса умела собрать достаточно людей, заин-

тересованных в его сохранении. Когда равновесие ломалось, одного наследственного права, королевского письма и даже многолетней репутации было недостаточно.

Сравнение с юностью всё же важно. В первый раз Нарбонну ей вернули союзники; во второй она сама была одним из людей, вокруг которых складывался союз. Это и есть мера её политического взросления.

Эрменгарда не стала «маленькой королевой» Южной Франции. У неё не было ресурсов Тулузы, земель Арагонского дома или возможностей Плантагенетов. Она не могла навязать соседям постоянный порядок. Но почти вся её зрелая политика состояла именно в том, чтобы не позволить ни одному из этих порядков окончательно поглотить Нарбонну.

Глава 8

Двор, песни и репутация

Имя, которое путешествует

Политика Эрменгарды держалась не только на владениях, договорах и родственных связях. Чтобы ей доверяли посредничество, прислушивались к её словам и считали союз полезным, требовалось ещё нечто менее осязаемое — репутация. Её нельзя было оформить как право или обязательство: она складывалась из рассказов, слухов, песен и личных впечатлений и могла далеко выходить за пределы мест, где бывала сама Эрменгарда.

Двор правителя тогда не был неподвижным салоном, собиравшимся по расписанию в одном и том же зале. Это была меняющаяся среда из родственников, вассалов, рыцарей, духовных лиц, писцов, гостей, посланников и тех, кто появлялся на время. Среди таких людей были поэты и исполнители. Они переезжали от одного двора к другому, знали, где хорошо принимают, где щедро награждают, где умеют слушать и где хозяин или хозяйка заслуживают похвалы — либо насмешки.

Песня трубадура была не просто любовной лирикой. Её исполняли перед слушателями, запоминали и передавали от двора к двору. Похвала щедрости, учтивости, достоинства и способности поддерживать joi — ту особую «радость», которая в языке тру-

бадуров означала гораздо больше хорошего настроения, — становилась одновременно оценкой двора. Плохая репутация тоже путешествовала. Поэт, переходивший из Нарбонны в Тулузу, из Тулузы в Арагон или Прованс, переносил с собой песни, новости, слухи и представления о том, кого следует считать человеком достойным.

Нарбонна Эрменгарды рано вошла в эту карту. Но фраза «при дворе Эрменгарды находились знаменитые трубадуры» говорит больше, чем позволяют источники: далеко не в каждом случае можно доказать, что конкретный поэт долго жил у неё, получал содержание или состоял в постоянной свите. Надёжнее говорить о круге связей и литературной репутации Нарбонны.

Пейре д’Альвернь, один из заметных трубадуров середины XII века, в одной из песен отправляет свои стихи в Прованс и в Нарбонну — туда, где, по смыслу его строк, поддерживается joi. Исследователи давно видели здесь намёк на Эрменгарду, хотя сам текст её не называет. Бернарт де Вентадорн, один из самых известных трубадуров своего времени, посылает песню «госпоже в Нарбонне» или «госпоже Нарбонны» — рукописи позволяют прочесть эту формулу по-разному, и потому уверенно превращать адресата в Эрменгарду нельзя. Само сомнение здесь полезно: оно показывает, насколько опасно превращать условный язык песни в протокол придворной жизни.

Особенно выразителен другой случай. Азалаис де Поркайрагас, одна из первых известных женщин-трубадуров, завершает единственную дошедшую до нас песню обращением к исполнителю: пусть он несёт песню в Нарбонну «той, кого ведут Радость и Молодость». Обычно под этой дамой понимают Эрменгарду. Имени опять нет, но направление песни и формула похвалы хорошо соответствуют уже сложившемуся образу виконтессы.

Не столь важно раз и навсегда решить, кому предназначалась каждая строфа. Важнее другое: Нарбонна была местом, куда песню имело смысл послать, где её могли услышать, запомнить и передать дальше.

Для правительницы это означало особый вид присутствия за пределами собственных владений. Она могла не находиться в Провансе или Оверни, но имя Нарбонны и репутация её двора уже участвовали в разговоре.

Покровительство в таком мире тоже не следует понимать слишком современно. У нас нет ведомости, где рядом с именем трубадура стояла бы сумма жалованья. Покровитель мог дать гостеприимство, одежду, подарок, деньги, коня, защиту, знакомство, возможность выступить перед нужными людьми. Иногда главным вознаграждением был сам доступ к известному двору. А для хозяйки двора присутствие хорошего поэта становилось ещё одним способом показать, что здесь знают правила аристократиче-

ского поведения и умеют соответствовать тому идеалу, который трубадуры называли cortezia — куртуазностью, соединявшей учтивость, щедрость и самообладание.

Tort-n'avetz

С именем Эрменгарды прочнее всего связан трубадур Пейре Рожье. Именно вокруг него возник рассказ, который позднее почти превратился в готовый роман.

Средневековая vida — краткое жизнеописание трубадура — сообщает, что Пейре Рожье происходил из Оверни, был каноником в Клермоне, затем оставил церковную должность, стал странствующим певцом и однажды прибыл в Нарбонну. Такие тексты записывались главным образом в XIII веке, спустя десятилетия после жизни своих героев, и часто превращали условные мотивы песен в события биографии. Согласно жизнеописанию Пейре, Эрменгарда приняла его с большим почётом и оказывала ему особое расположение; он влюбился в неё и стал слагать о ней песни, а позднее виконтесса, опасаясь молвы, велела ему уехать.

История слишком хороша, чтобы принимать её без проверки.

Авторы vidas пользовались устной памятью, слухами и отдельными фактами, но нередко строили биографию прямо из песен. Если лирический герой жаловался на клеветников, появлялся рассказ о

настоящих клеветниках; если он воспевал даму, возникала история любви. Поэтому жизнеописание Пейре Рожье нельзя читать как свидетельские показания о частной жизни Эрменгарды.

Но песни самого Пейре Рожье подтверждают, что его связь с Нарбонной не была придумана с нуля. Свою даму он обозначал условным поэтическим именем, которое у трубадуров называлось senhal: Tort-n'avetz — примерно «Вы неправы». В заключительной строфе одной из песен он прямо передаёт привет «моему Tort-n'avetz в Нарбонне» и желает, чтобы Господь хранил её и чтобы она сохраняла истинные достоинство и радость, когда другие от них отступают.

В другом стихотворении механизм распространения песни виден ещё лучше. Пейре просит Tort-n'avetz, если песня ей понравится, выучить её, а затем передать дальше — другой даме, названной Dreit-n'avetz — «Вы правы». Перед нами уже не образ поэта, который одиноко поёт под окном. Песня должна пройти через руки и память адресата, а потом отправиться к следующему человеку. Двор становится узлом передачи.

Идентификация Tort-n'avetz с Эрменгардой считается наиболее вероятной. Даже если это она, из текста не следует любовная связь в современном биографическом смысле. Лирика трубадуров строилась на системе условностей: служение даме, желание награды, тайна, препятствия, ревнивцы и

клеветники. «Любовь» была языком, на котором одновременно говорили о влечении, достоинстве, зависимости, верности и социальном превосходстве.

Эрменгарде такой язык мог быть особенно удобен. Она была женщиной, но одновременно сеньором, принимавшим оммажи и требовавшим верности от мужчин. В политических документах эта конструкция иногда вызывала сопротивление — достаточно вспомнить дело Беренгара. В песне же мужчина, служащий высокопоставленной даме и признающий её превосходство, не выглядел нарушением порядка. Напротив, это было одной из основных форм куртуазной игры.

Трубадуры создавали язык, с помощью которого влиятельную женщину можно было представить центром двора, источником благоволения, судьёй достоинства и предметом публичной похвалы. Для литературной репутации Эрменгарды это могло иметь значение.

Похвала не была бесплатной. Трубадуры постоянно рассуждали о щедрости и скупости, о достойных и недостойных покровителях. Их мир был полон оценок. Хозяин двора, который хотел, чтобы его имя звучало хорошо, должен был соответствовать ожиданиям хотя бы в глазах тех, кто это имя разносил. Репутация становилась частью обмена: покровительство помогало песне распространяться, а песня поддерживала славу покровителя.

От Нарбонны до Оркнейских островов

Самое неожиданное свидетельство того, как далеко могло уйти имя Эрменгарды, пришло не из Прованса и не из Каталонии, а с далёкого севера.

В 1151 году Рёгнвальд Кали Кольссон, один из правителей Оркнейских островов у северного побережья Шотландии, носивший титул ярла, отправился в паломничество и крестовый поход к Святой земле. «Сага об оркнейцах», записанная позднее, рассказывает, что по дороге его отряд оказался в Нарбонне и был принят Эрменгардой. Рёгнвальд сам был поэтом-скальдом, и сага сохраняет строфы, связанные с этой встречей. «Пусть славный муж долго помнит слова Эрменгарды», — говорится в одной из строф. Далее Рёгнвальд обещает, что на обратном пути путешественники снова зайдут в Нарбонну.

Дальше прозаическая часть саги разворачивает почти образцовую куртуазную историю. Эрменгарда изображена прекрасной незамужней наследницей; окружающие будто бы хотели брака между нею и северным ярлом; Рёгнвальд обещает вернуться после паломничества. Он, однако, возвращается домой другим путём.

Как буквальная биография этот рассказ не выдерживает проверки. Сага представляет Эрменгарду наследницей недавно умершего отца, хотя он погиб ещё в 1134 году, задолго до предполагаемой встречи. Сама она в начале 1150-х годов была замужем за

Бернаром д’Андюзом, который тогда ещё был жив. Поэтому брачный сюжет почти наверняка принадлежит литературной обработке. Исследователи спорили и о самом посещении Нарбонны. Историк Жаклин Кай, специалист по средневековой Нарбонне, допускает, что встреча Рёгнвальда с Эрменгардой могла состояться, но отделяет возможное историческое ядро от поздней романтической рамки.

Для нашей истории это различие важнее ответа «было или не было». Даже если отбросить брак и любовную идиллию, остаётся замечательный факт: имя правительницы Нарбонны оказалось связано со скальдической традицией Оркнейских островов. Южная куртуазная культура и северная поэзия встретились — по крайней мере в памяти текста — в одном и том же дворе.

Есть и другое позднее свидетельство. В конце XII века латинский клирик Андрей Капеллан написал трактат «О любви». В нём автор приписывает Эрменгарде решения пяти условных любовных споров. Они касаются того, что придворная культура XII века считала допустимым или недопустимым в отношениях между мужчиной и женщиной: сохраняется ли любовь после брака, кому принадлежит право выбора между двумя поклонниками, может ли телесное увечье лишить рыцаря любви. В каждом случае Эрменгарда выступает не участницей истории, а

авторитетным судьёй, чьё мнение должно устанавливать правила куртуазного поведения.

Мы не знаем, разрешала ли Эрменгарда подобные споры и существовали ли при её дворе настоящие «суды любви». Но само появление её имени в трактате примечательно: рядом с Алиенорой Аквитанской и Марией Шампанской виконтесса Нарбоннская представлена как женщина, чьё мнение обладает особым авторитетом в вопросах любви и придворного поведения.

Здесь возникает парадокс её посмертной судьбы. Документы показывают женщину, которая распоряжалась землями, принимала оммажи, судила, заключала соглашения и участвовала в дипломатии. Литературная память сохранила другое: прекрасную госпожу Нарбонны, покровительницу поэтов, адресата песен и арбитра куртуазных споров.

Второй образ оказался ярче и легче переходил из века в век, заслоняя первый.

Репутация двора не существовала отдельно от политического положения Эрменгарды. Поэты ехали не к абстрактной прекрасной даме, а в Нарбонну — богатый город и центр власти. Возможность принимать гостей, награждать, защищать и обеспечивать им аудиторию исходила из тех же ресурсов, на которых держалось её правление. Слава щедрой хозяйки, в свою очередь, расширяла круг людей, для которых имя Эрменгарды что-то значило.

Песни не заменяли власть, но окружали её эхом.

Глава 9

Между дворцом и собором

Два хозяина одного города

Дворец архиепископа стоял в той же Нарбонне, которой правила Эрменгарда. Между двумя резиденциями не проходила граница, отделявшая духовное от светского. Владения, права и доходы виконтессы и архиепископа переплетались внутри городских стен и за ними. Один и тот же человек мог жить на земле одного сеньора, зависеть от суда другого и платить сборы обоим. Нарбонной управляли не две аккуратно разделённые администрации, а несколько сил, вынужденных постоянно определять границы своих прав.

Архиепископ Нарбоннский был не только главой местной церкви. Он обладал землями, крепостями, доходами и собственными людьми, принимал оммажи и участвовал в политике Южной Франции. Его власть распространялась далеко за пределы богослужения. В городе ему принадлежала часть сеньориальных прав, а кафедральный капитул распоряжался имуществом, которое невозможно было отделить от хозяйственной жизни Нарбонны. Архиепископ мог быть союзником виконта, посредником в соглашениях или его противником. Иногда он становился всем этим последовательно, а иногда почти одновременно.

Такое устройство возникло задолго до Эрменгарды. В течение XI и начала XII века нарбоннские архиепископы постепенно укрепляли свою светскую сеньорию. Виконты сохраняли наследственную власть, но уже не могли обращаться с городом как с единым владением своего дома. Церковь обладала собственными правами, городская верхушка приобретала всё больше самостоятельности, а рядом действовали вассалы, монастыри и соседние сеньоры. Эрменгарда унаследовала не готовый механизм, а старое равновесие, которое всякий раз приходилось подтверждать заново.

В её детстве архиепископская власть показала, насколько опасной могла быть эта двойственность. Арно де Левезу, занимавший нарбоннскую кафедру, поддержал Альфонса Иордана Тулузского, когда тот установил контроль над городом. Для графа Тулузы согласие архиепископа было почти столь же необходимо, как военная сила. Захватить стены ещё не значило получить Нарбонну. Требовалось признание людей, чьи права и влияние делали управление возможным. Архиепископ давал Альфонсу такую опору.

Церковные связи не принадлежали навсегда одной политической партии. Когда против Альфонса сложился союз, вернувший Эрменгарде наследство, отношения сил изменились. Новый порядок тоже нуждался в согласовании с кафедрой. Молодая виконтесса могла победить тулузскую партию, но не могла отменить архиепископа или превратить его в своего чиновника. Ей предстояло жить рядом с вла-

стью, которая считала себя самостоятельной и опиралась не только на местные владения, но и на авторитет папства.

Средневековое родство не уничтожало различий между должностями и интересами. Пьер д'Андюз, по принятой реконструкции — брат мужа Эрменгарды, оставался архиепископом, обязанным защищать имущество и права своей кафедры. Эрменгарда оставалась виконтессой, отвечавшей за наследство собственного рода. Родственная связь могла облегчать переговоры, но не превращала два центра власти в один.

Архиепископская власть не позволяла ему оставаться в стороне от городских дел. Получалась необычная конструкция: родство с мужем виконтессы связывало его с её окружением, но кафедра оставалась самостоятельным центром власти, со своими интересами, людьми и имуществом.

Между виконтессой и архиепископом возникали споры не потому, что одна представляла свет, а другой — веру. Они спорили как сеньоры. Речь шла о доходах, земле, повинностях, порядке наследования владений и праве распоряжаться имуществом. Религиозный язык окружал эти отношения, но не отменял их материальной основы. За формулой о защите церкви мог стоять вполне конкретный дом, участок, сбор или право на имущество умершего прелата.

Архиепископ всё же отличался от любого другого соседа. Конфликт с ним нельзя было разрешить только силой или очередной вассальной клятвой. За

кафедрой стояла церковная организация, способная обратиться к папе. Решение, принятое в Нарбонне, могло получить подтверждение из Рима и тем самым приобрести вес, которого не давало местное соглашение. Эрменгарда рано научилась использовать этот уровень власти — не подчиняясь ему во всём, но признавая его значение.

Отказ от права

В январе 1155 года Эрменгарда отказалась от обычая, позволявшего светской власти вмешиваться в судьбу имущества умершего архиепископа. В церковном изложении этот обычай выглядел безусловным злоупотреблением: после смерти прелата князь, кастелян или иной мирянин не должен был захватывать, уменьшать или тревожить достояние кафедры. Имущество умершего архиепископа должно было в полном составе перейти его преемнику.

Подобные притязания существовали не только в Нарбонне. Имущество умершего епископа или аббата представляло слишком большой соблазн для светских правителей, особенно пока преемник ещё не вступил в должность. Переходный период создавал возможность забрать деньги, движимые ценности или доходы, представить временное распоряжение как старое право и позднее требовать платы за возвращение. Церковные реформаторы XI–XII веков видели в этом посягательство на иму-

щество церкви. Сеньоры могли считать такую практику частью своих полномочий.

Отказ Эрменгарды, совершённый в январе 1155 года, был подтверждён папой Адрианом IV 9 декабря 1156 года. В папском письме виконтесса названа «возлюбленной дочерью во Христе» и благородной госпожой Нарбонны. Её решение объясняется желанием устранить дурной обычай ради отпущения грехов, из любви к божественному закону и к архиепископу. Папа закреплял отказ своим авторитетом и объявлял, что церковное имущество должно оставаться целым и ненарушенным.

Официальная формула не раскрывает чувств Эрменгарды. Язык покаяния и защиты церкви был обычным языком подобных актов, но это не делало его пустой декорацией. Люди XII века не обязаны были выбирать между верой и политическим расчётом. Одно решение могло одновременно отвечать религиозным представлениям, прекращать спор и укреплять порядок.

Эрменгарда действительно ограничивала собственные притязания. Это важно признать. Сильный правитель проявляется не только в расширении прав. Иногда устойчивость достигается отказом от того, что невозможно или слишком дорого удерживать. Попытка воспользоваться каждым спорным обычаем превращала бы смерть каждого архиепископа в новый конфликт с капитулом, преемником и папством. Формальный отказ снимал один источник борьбы и проводил границу там, где раньше оставалась возможность захвата.

Кроме того, подтверждение Адриана IV работало в обе стороны. Оно защищало кафедру, но одновременно закрепляло Эрменгарду как правительницу, способную принимать обязательные решения от собственного имени. Папа обращался не к её мужу и не к опекуну. Документ признавал за ней власть отказаться от обычая для себя и своих преемников. Даже самоограничение становилось доказательством её самостоятельности: отказаться от права может лишь тот, за кем это право или хотя бы серьёзное притязание признают.

В этом эпизоде виден привычный метод Эрменгарды. Она не пыталась устранить второй центр власти, а переводила отношения с ним в форму соглашения, которую можно было подтвердить, записать и предъявить будущим участникам спора. Папское письмо не гарантировало вечного мира, но меняло исходную позицию следующего конфликта.

Решение 1155 года напоминает дело Беренгара. Там Эрменгарда обратилась к Людовику VII, чтобы королевский авторитет подтвердил её право судить вассала; здесь папский авторитет закреплял границы отношений с церковью. Король и папа были далеки от повседневного управления Нарбонной, но их письма становились ресурсом местной политики.

Не следует представлять соглашение как внезапное разделение церкви и государства. Таких понятий и такого устройства Нарбонна не знала. Виконтесса продолжала участвовать в делах церковных учреждений, подтверждать владения и выступать рядом с духовными лицами; архиепископ

оставался светским сеньором. Граница проходила не между религией и политикой, а между отдельными правами, каждое из которых имело собственную историю.

Соглашение с архиепископом Беренгером 1156 года касалось не только доходов. К архиепископу переходила башня с Епископскими воротами. Он и его преемники могли ремонтировать обветшавшие части и восстанавливать их в прежнем виде, однако повышать башню или добавлять к ней новые укрепления запрещалось.

После Беренгера нарбоннскую кафедру занял Понс д'Арсак, архиепископ в 1162–1181 годах. Отношения с ним также закреплялись грамотами. В августе 1176 года Эрменгарда передала ему и кафедральной церкви свои права на замок и сеньорию Терраль, включая суд и право требовать военной службы и постоя. В самой грамоте пожалование объясняется услугами, которые архиепископ оказал виконтессе. С 1191 года нарбоннскую кафедру занимал другой Беренгер — брат короля Арагона Альфонсо II. В рассмотренных документах его позиция в конфликте Эрменгарды с Педро в 1192–1193 годах не прослеживается.

Монастыри, дары и память

За стенами Нарбонны лежал монастырь Фонфруад. В XII веке он стал одной из заметных обителей цистерцианского ордена — монашеского движения, стремившегося вернуться к строгому со-

блюдению устава и простоте монастырской жизни. Его земли, хозяйство и связи включали монастырь в тот же мир, где действовали виконты, архиепископы, городские семьи и соседние сеньоры. Монах мог удалиться от мирской жизни, но монастырь как учреждение оставался землевладельцем, участником обменов и хранителем документов.

Эрменгарда и люди её круга делали церковным учреждениям пожалования, подтверждали их права и участвовали в оформлении сделок. Такие акты обычно говорят языком спасения души. Дар совершался ради Бога, Богородицы или святого покровителя, ради отпущения грехов дарителя, его родителей и близких. Забота о посмертной участи была реальной частью поведения знати. Но пожалование имело последствия и в земной жизни.

Переданная монастырю земля не исчезала. Её обрабатывали, сдавали, обменивали; вокруг неё возникали повинности и споры. Дар создавал связь между родом жертвователя и монастырской общиной. Монахи должны были помнить имя благодетеля в молитвах, а само учреждение сохраняло грамоту, где это имя стояло рядом с перечнем владений и свидетелей. Для человека XII века память была не отвлечённой славой. Она выражалась в богослужении, годовщине смерти, погребении, записанном имени и повторяемой молитве.

Фонфруад был особенно тесно связан с нарбоннской знатью. Там похоронили Эмери де Лару — племянника Эрменгарды, которого она привлекла к управлению и готовила как наследника. Его смерть

в 1177 году оборвала первый план передачи власти. Позднее имущественные действия, связанные с монастырём и памятью Эмери, помогли обнаружить уже другого наследника — Педро Манрике де Лару, который в документах появился рядом с виконтессой. Таким образом, монастырская история соприкасалась с династической: место молитвы и погребения становилось также местом, где закреплялась память о несостоявшемся преемнике.

Монастырь был полезен знати ещё и как нейтральное, хотя никогда не вполне беспристрастное пространство. Здесь можно было хранить документы, искать посредничества, подтверждать клятвы и устраивать погребения. Связь с уважаемой обителью укрепляла положение рода, а защита монастыря показывала способность сеньора охранять установленный порядок.

Отношения Эрменгарды с церковью не сводились к отказу от притязаний на имущество умершего архиепископа. Они состояли из множества действий: пожалований, подтверждений, отказов, присутствия при актах, участия духовных лиц в её окружении. Именно такие свидетельства — распоряжение долей сбора, подтверждение владения, грамота для аббата — показывают повседневную сторону власти лучше торжественных рассказов.

В грамоте от 2 октября 1163 года эти отношения расписаны по отдельным обязанностям. Эрменгарда подтвердила за монастырём Каранта приобретённую им половину владения Кумиак с относящимися к ней правами и землями. Саму кре-

пость грамота из пожалования исключала. Виконтесса сохраняла за собой и своими преемниками оговорённые судебные права, право требовать военной службы и ежегодного постоя десяти воинов. Со своей стороны она обещала защищать монастырское владение от захвата.

Между пожертвованием и контролем всегда сохранялось напряжение. Передавая имущество церкви, светский род терял возможность свободно распоряжаться им. Поэтому формулы о вечном даре соседствуют в документах с позднейшими подтверждениями: если право не вызывало сомнений, подтверждать его снова не требовалось бы. Каждое поколение могло попытаться вернуть отданное, истолковать границы владения иначе или потребовать услугу взамен защиты.

Эрменгарда жила достаточно долго, чтобы увидеть смену нескольких поколений духовных и светских соседей. Её собственное имя при этом оставалось в грамотах постоянной точкой. Архиепископы менялись, аббаты умирали, племянники появлялись при её дворе и уходили из жизни, а виконтесса продолжала подтверждать соглашения. Долгое правление придавало её решениям особый вес: она могла помнить происхождение отношений, которого молодые участники уже не знали по собственному опыту.

Церковь помогала сохранять эту память, но не принадлежала Эрменгарде. У неё были свои интересы, собственные архивы и собственное представление о законном порядке. Союз с ней нельзя было

купить одним даром. Его приходилось поддерживать, как поддерживали вассальную верность или мир с соседним графом. Разница заключалась в том, что монастырь и кафедра мыслили более длинными сроками, чем отдельный человек. Они могли пережить дарителя и предъявить его грамоту его наследникам.

Вера и границы свидетельств

Южная Франция времён Эрменгарды не была краем, внезапно отпавшим от единой и спокойной церкви. Во второй половине XII века сообщения о религиозном инакомыслии в землях Лангедока становятся заметнее. Церковные авторы называли противников разными именами и нередко описывали их при помощи старых обвинений. Привычное сегодня слово «катары» создаёт впечатление единой организации с одинаковым учением во всех городах, но источники этого времени такой ясной картины не дают.

Мы видим проповедников, группы сторонников, публичные диспуты, отказ признавать отдельные таинства и церковную иерархию. Границы этих групп, их связи друг с другом и даже язык, которым их следует называть, остаются предметом спора историков. Цистерцианская реформа также призывала к более строгой религиозной жизни, однако одного сходства критических мотивов недостаточно, чтобы выводить диссидентство из монастырского движения.

Для биографии Эрменгарды неопределённость ещё больше. Нет надёжного свидетельства, позволяющего назвать её сторонницей религиозных диссидентов, и нет документа, где она выступала бы их преследовательницей. Она жила среди правителей, духовных лиц и городских семейств, чьи потомки позднее окажутся по разные стороны конфликта. Но будущее родов нельзя переносить назад и превращать в убеждения предыдущего поколения.

Образ покровительницы трубадуров легко продолжить образом покровительницы свободной веры, но куртуазная культура не означала религиозного вольнодумства, а политическая самостоятельность женщины не делала её союзницей всякого движения против церковной власти.

Документы показывают другое: Эрменгарда действовала внутри признанного церковного порядка — договаривалась с архиепископами, делала пожалования монастырям, принимала папское подтверждение своих актов и пользовалась религиозным языком законности.

Церковь тем временем всё настойчивее определяла границы допустимой проповеди. В 1165 году в Ломбере, недалеко от Альби, состоялся диспут с людьми, которых церковные участники признали еретиками. В 1178 году в Южную Францию прибыла папская миссия: она должна была проповедовать, расследовать обвинения и убеждать местных сеньоров действовать против инакомыслия. Третий Латеранский собор 1179 года осудил еретиков,

связываемых с землями Южной Франции, и призвал светские власти противостоять им.

Нарбонна занимала в этой системе особое место как резиденция архиепископа, но и здесь церковные решения должны были проходить через переговоры нескольких властей. Рядом с архиепископом действовали виконтесса, консулы, влиятельные горожане, монастыри и капитулы.

Между виконтессой и архиепископом не наступило окончательного мира и не произошло решающей победы. Способность десятилетиями поддерживать это соседство была важной частью правления Эрменгарды.

Глава 10

Старость власти

Родство и расчёт

Главная угроза поздним годам Эрменгарды пришла из семьи — точнее, из самой необходимости однажды передать власть. Пока виконтесса была молода, отсутствие детей ещё не определяло будущее Нарбонны. С годами вопрос становился всё настойчивее: после её смерти городу требовался наследник, которого признают вассалы, соседи и сама Нарбонна. Иначе мог повториться кризис, начавшийся после гибели её отца.

Прямая линия вела к семье младшей единокровной сестры. Эрмессинда, дочь Эмери II от второго брака, вышла замуж за кастильского магната Манрике Переса де Лару. Их сыновья Эмери и Педро приходились Эрменгарде племянниками и, при отсутствии у неё собственных детей, постепенно стали естественными кандидатами на нарбоннское наследство.

За этим родством стояла немалая сила. Дом Лара принадлежал к самым влиятельным аристократическим родам Кастилии XII века: его представители владели обширными землями, участвовали в войнах и придворной борьбе, находились рядом с королём. Манрике Перес был одним из главных советников кастильских государей и во время малолетства Альфонсо VIII участвовал в управлении ко-

ролевством. После его гибели в 1164 году сыновья унаследовали не только владения, но и связи, соперников и привычку действовать в политике большого масштаба.

Такое родство могло быть для Эрменгарды преимуществом. Наследник из сильного дома усиливал защиту виконтства от притязаний Тулузы и других соседей. Кастилия находилась достаточно далеко, чтобы Лара не вмешивались ежедневно в нарбоннские дела, но их имя обладало весом по обе стороны Пиренеев. Такое сочетание расстояния и силы позволяло связать продолжение рода с союзом против ближайших соперников.

Оставалось превратить родственное право в признанное преемство. Наследника нужно было заранее вводить в круг власти — ставить рядом при принесении клятв, включать в документы, знакомить с людьми, от которых зависело управление. Такой шаг решал одну проблему и создавал другую: рядом с действующей виконтессой появлялся второй признанный центр притяжения.

Эрменгарда слишком хорошо знала цену неясного наследования. Её собственное детство прошло под знаком захваченного владения и брака, с помощью которого Альфонс Иордан пытался превратить притязание в законное право. Откладывать решение до последнего дня было опасно. Приходилось готовить передачу власти заранее — и тем самым собственными руками открывать наследнику путь в Нарбонну.

Первым в город приехал Эмери де Лара. В документах он появляется рядом с тёткой с 1167 года. Молодого племянника не просто объявили будущим виконтом. Его постепенно вводили в управление: он присутствовал при политических актах, участвовал в принятии оммажей и получал возможность знакомиться с людьми, землями и обычаями, которые должен был однажды унаследовать. Речь шла о подготовке преемника, а не о немедленной передаче ему всего виконтства.

Такое совместное правление не имело строгой конституционной формы. Упоминание Эрменгарды и Эмери в одном документе не означало равенства их положения. За виконтессой стояли десятилетия правления и прежние соглашения; за племянником — признанное родство и положение мужчины-наследника. Граница полномочий зависела от обстоятельств и от признания тех, кто приносил клятвы.

Эмери иногда называл себя герцогом Нарбонны. Этот титул имел политический смысл: на герцогство Нарбоннское претендовали графы Тулузы, и употребление титула племянником Эрменгарды могло выражать отказ признать тулузское верховенство. Но громкое именование не делало его самостоятельным государем. В актах он продолжал действовать рядом с тёткой и с её согласия. Нарбонна ещё оставалась владением Эрменгарды, а племянник учился быть её продолжателем.

Эмери сохранял связи с Кастилией, где жили его мать и братья и находились интересы дома Лара. Он должен был стать нарбоннским сеньором, не переставая быть кастильским магнатом.

Первый наследник

К середине 1170-х Эмери уже перестал выглядеть приезжим родственником. В 1174 году он участвовал в возобновлении соглашения с Пизой, заключённого десятилетием раньше; вместе с Эрменгардой появлялся в делах, касавшихся вассалов и церковных владений. Чем чаще его имя стояло рядом с именем виконтессы, тем яснее становилось: Нарбонну готовят к преемству.

Участие Эмери в управлении не означало, что сама Эрменгарда отошла от дел. В апреле 1176 года она выступала посредницей при заключении мира в Жарнеге, а в августе распоряжалась сеньориальными правами на Терраль в пользу архиепископа Понса. Племянник приобретал опыт правления рядом с тёткой, которая продолжала действовать от собственного имени.

Первый опыт преемства оборвался не конфликтом, а смертью. В 1177 году Эмери умер и был похоронен в Фонфруаде, монастыре, тесно связанном с нарбоннской знатью. Для семьи это была смерть племянника и сына; для виконтства — крушение уже подготовленного порядка. Людям, приносившим ему оммаж и рассчитывавшим на его будущее

правление, снова предстояло решать, кому будет принадлежать власть после Эрменгарды.

Смерть Эмери произошла в том же году, что и описанное в главе 7 вмешательство Раймона V. Участие племянника в управлении не было отдельным, спокойным этапом передачи власти: оно пришлось на продолжавшуюся борьбу за Нарбонну. После его смерти Эрменгарде пришлось искать нового преемника.

В 1177 году Эрменгарде было около пятидесяти лет или немного меньше; для XII века она уже принадлежала к старшему поколению. Вопрос о наследнике перестал быть отдалённым. Первый план преемства разрушила не политическая ошибка, а обычная для Средневековья хрупкость жизни; новый порядок требовалось строить заново.

Место Эмери занял его брат Педро Манрике де Лара, но это был уже другой наследник. Педро прочно стоял в кастильской политике: был сеньором Молины, носил графский титул, служил королю и участвовал в войнах на Пиренейском полуострове. Нарбонна могла значительно расширить его положение, но не была ни единственным его владением, ни единственным политическим интересом.

Сначала расстояние снова помогало Эрменгарде. Кастильские владения и обязанности удерживали Педро за Пиренеями, и виконтесса продолжала править самостоятельно. Однако в Нарбонну входил уже не молодой родственник, которого предстояло

воспитывать при дворе, а глава собственной политической сети — со своими людьми, средствами и представлением о том, как распорядиться будущим наследством.

С конца 1170-х имя Педро всё чаще появляется рядом с именем Эрменгарды. Документы признавали родство и закрепляли преемство, не отвечая на главный вопрос: когда признанное право должно превратиться в действующую власть? Пока виконтесса оставалась у руля, между будущим наследованием и настоящим управлением сохранялась неопределённость, способная в любой момент стать конфликтом.

Педро был для Эрменгарды естественным наследником: другого столь же убедительного кандидата не существовало. Племянник соединял родство с военной силой и высоким положением. Отказаться от него значило снова открыть весь вопрос о Нарбонне.

Пока Эрменгарда удерживала власть, Педро оставался наследником: участвовал в актах, принимал отдельные клятвы, появлялся рядом с тёткой, но Нарбонной по-прежнему распоряжалась она. Источники не говорят, как каждый из них представлял себе момент окончательной передачи. Это молчание особенно важно: конфликт мог вырасти не из заранее объявленного разрыва, а из разных ожиданий.

Здесь не требуется приписывать одному жадность, а другой — упрямство. Само устройство власти создавало условия для конфликта. Плавная

передача предполагала добровольную уступку части полномочий прежним правителем и согласие преемника ждать. Внешнего арбитра, способного определить меру этой уступки, не было.

Наследник становится хозяином

К началу 1190-х за Эрменгардой стояло почти полвека правления. В этом была её сила и одновременно будущая слабость системы. Большинство участников политической жизни Нарбонны не помнили другого виконта; соглашения, клятвы и личные связи десятилетиями сходились к одной фигуре. Передать такой порядок одним документом было невозможно.

Возраст правительницы сам становился политическим обстоятельством. В 1193 году Эрменгарда ещё заключала сложные соглашения, распоряжалась феодальными правами и скрепляла акты печатью. Но каждый вассал уже понимал, что смена власти близка, а значит, должен был думать не только о нынешней виконтессе, но и о будущем хозяине Нарбонны.

Летом или осенью 1192 года это неустойчивое равновесие сломалось. Педро получил контроль над Нарбонной, а Эрменгарда лишилась возможности править городом. В «Истории Лангедока» историков XVIII века Клода Девика и Жозефа Вэссета этот переход власти описан как отречение в пользу племянника. Позднейшее слово «отречение» слишком сглаживает случившееся: источники показывают

давление, конфликт и последующее изгнание, но не сохраняют ни сцены переворота, ни точной последовательности событий.

Борьба за поддержку

Одним из зависимых от Эрменгарды сеньоров был Эрменго де Фабрезан, владевший замком неподалёку от Нарбонны. При смене правителя он должен был признать нового виконта, принести клятву верности и по требованию передать ему крепость. Так виконт сохранял контроль над укреплением, которым постоянно владел другой человек.

В марте 1193 года Эрменгарда предложила Эрменго сделку. Она освобождала его и его наследников от этих обязанностей перед будущими правителями Нарбонны. Взамен Эрменго обещал поддерживать виконтессу до конца её жизни во всех тяжбах и войнах, которые она вела или ещё будет вести.

Условия соглашения необычны. Эрменгарда расплачивалась будущими правами наследника за поддержку, необходимую ей сейчас: уступала то, чем сама уже не успеет воспользоваться после смерти, и тем самым уменьшала наследство Педро. Сам документ не называет противника, поэтому было бы слишком смело утверждать, что все упомянутые войны направлялись только против племянника. Но время заключения и дальнейшие события делают такую связь вероятной.

В этом акте нет голоса побеждённой женщины, смирившейся с уходом. Эрменгарда по-прежнему именует себя виконтессой Нарбонны, распоряжается правами своих преемников и собирает поддержку. Её печать подтверждает решение. Даже после потери города она действует знакомым способом: превращает верность в записанное соглашение, связывает настоящее обещанием на будущее и пытается восстановить вокруг себя сеть людей.

В конце 1193 года тот же Эрменго де Фабрезан принёс оммаж Педро. Документы сообщают о перемене стороны, но не объясняют её причины. Для Эрменгарды важен итог: человек, чью помощь она получила ценой феодального права, признал её противника.

Переход Эрменго показывает, что после утраты Нарбонны прежние соглашения уже не обеспечивали Эрменгарде прежней поддержки. Педро был не случайным захватчиком, а признанным наследником, сумевшим превратить своё право в действующую власть. О мотивах отдельного вассала источники молчат.

В 1194 году Педро действовал уже без тётки. Его главные владения и дела оставались в Кастилии. 28 апреля он назначил наследником нарбоннских прав своего сына, которого тоже звали Эмери, и, по-видимому, вскоре передал ему управление. Город, почти полвека связанный с одной правительницей, оказался в руках молодого представителя дома Лара.

Изгнание и завещание

После утраты Нарбонны Эрменгарда оказалась в Руссильоне — соседнем графстве к югу, с центром в Перпиньяне, с 1172 года входившем во владения короля Арагона. Последние достоверные сведения связывают её с Перпиньяном и домом Сент-Маридю-Мас-Деу, принадлежавшим тамплиерам. Это было изгнание, хотя его условия неизвестны. Географически она оставалась недалеко от Нарбонны; политическая дистанция между действующей виконтессой и бывшей правительницей оказалась куда больше.

Мы не знаем, пыталась ли она после 1193 года вернуть власть силой или искала нового посредника. Источники становятся редкими. Это молчание показательно: документы власти создавались там, где принимались решения, собирались свидетели и приносились клятвы. Когда центр управления перешёл к Педро и его сыну, имя Эрменгарды стало появляться реже. Человек, почти полвека занимавший главное место в актах, начал исчезать из политической записи ещё при жизни.

30 апреля 1196 года тяжело больная Эрменгарда продиктовала завещание в Мас-Деу. Составители документа подчёркивали, что она сохраняла память и способность говорить. Эта формула подтверждала действительность последней воли, но одновременно позволяет увидеть её положение: прежняя виконтесса лежала вдали от Нарбонны и пыталась распорядиться тем, что ещё считала своим.

Завещание следовало религиозным представлениям времени. Эрменгарда поручала похоронить её на кладбище Мас-Деу. Замок Альбас она отдавала тамплиерам, Курсана — другому дому ордена, а Периньян — госпитальерам. Пожалования совершались ради спасения её души и памяти близких. Но документ был не только подготовкой к смерти. Каждое дарение требовало от наследника отказаться от дохода, земли и власти над людьми. Исполнение духовной воли зависело от того самого Педро, который уже отнял у неё управление.

Обращение к племяннику построено на языке родства и примирения. Эрменгарда называет его дорогим сыном, любимым племянником и другом, просит исполнить пожалования и уплатить её долги. Затем в текст входит фраза, резко меняющая тон. Если Педро выполнит её волю, говорит завещание, пусть Бог простит ему «все обиды, ущерб, насилие, притеснения, преследования, лишения, бедствия и всё зло, которые я претерпела из-за него и его людей».

Этот перечень не рассказывает, что именно произошло в 1192 году. Он не позволяет описать осаду, угрозы или конкретные действия, о которых нет других свидетельств. Но он исключает представление о спокойном добровольном отречении. Эрменгарда считала себя пострадавшей от Педро и его окружения. Даже в документе, где она снова признаёт племянника наследником, память о принуждении остаётся записанной.

Завещание сочетает обвинение с зависимостью. Эрменгарда не могла просто лишить Педро всего наследства и передать Нарбонну другому. Его власть уже стала фактом. Она оставляла ему прочие владения и морскую и сухопутную сеньорию, просила выполнить распоряжения и обещала прощение. Одновременно предусматривала угрозу: если Педро откажется, оставшееся имущество должно перейти графу Раймону VI Тулузскому.

Эта оговорка возвращала в историю старого соперника. Тулузский дом много раз пытался подчинить Нарбонну, и Эрменгарда почти всю жизнь ограничивала его притязания. Теперь имя графа становилось последним средством давления на наследника. Виконтесса не переходила на сторону Тулузы и не отменяла прежнюю политику. Она использовала возможность такого перехода, чтобы заставить Педро считаться с её волей.

Завещание показывает, что даже тяжело больная и лишённая города Эрменгарда стремилась придать своей воле практическую силу. Она связывала наследство условиями, противопоставляла одному претенденту другого и обращалась к религиозным орденам как к учреждениям, способным защищать полученные права. Возможности сузились, но знакомый способ действовать сохранился.

Завещание показывает и глубину поражения. Раньше Эрменгарда обращалась к королю Франции, папе, графам и вассалам из своего дворца и от имени действующей власти. Теперь она просила побе-

дившего племянника исполнить распоряжения и рассчитывала на угрозу альтернативного наследования. Её печать ещё подтверждала волю, но за ней больше не стоял город.

Она умерла в 1196 или 1197 году. Точная дата остаётся спорной, и уверенность здесь была бы лишней. Эрменгарда пережила собственное правление примерно на четыре или пять лет. Для человека, который удерживал Нарбонну с 1140-х годов, это был долгий финал вне города, ставшего главным содержанием её жизни в документах.

Дом Лара сохранил виконтство. Молодой Эмери, сын Педро, продолжил нарбоннскую линию. В династическом отношении выбранная Эрменгардой боковая ветвь обеспечила преемство: после неё власть перешла к родственникам и затем к их потомкам.

Позднее поражение не отменяет прочности прежнего правления Эрменгарды, но показывает его предел: подготовленный ею наследник сумел ещё при её жизни получить признание людей, от которых зависело управление. Долгий личный авторитет не превратился в бесспорную процедуру передачи власти.

Глава 11

Пределы власти, которую нельзя передать

После неё

После Эрменгарды сохранились виконтский титул, значительная часть владений и прав, городские и церковные учреждения, суды и торговые связи. В династическом смысле пустоты не возникло.

Власть Эрменгарды опиралась на законность рождения, военную помощь союзников, отношения с городом и церковью, вассальные клятвы и поддержку более крупных правителей. Ни одна опора не была достаточной сама по себе: наследственное право требовалось признать, договор не прекращал соперничество навсегда, королевское письмо ещё предстояло превратить в местное политическое преимущество.

Главным результатом её правления стало это равновесие. Не мир в современном смысле и не неподвижность границ, а сохранение пространства, в котором Нарбонна не растворилась ни в одном из окружавших её владений. Тулуза дважды получала город и дважды не смогла удержать его. Барселонский дом оставался необходимым союзником, но не превратил виконтство в простое продолжение своих земель. Архиепископ делил власть с виконтессой, но не вытеснил её из светского управления. Горожане

участвовали в политической жизни, однако виконтский титул не стал пустым украшением.

Такой результат легко недооценить, потому что он не выражен в одном завоевании или законе. Эрменгарда не расширила владения до размеров княжества и не оставила свода установлений, который можно было бы назвать политическим завещанием. Её достижение состояло в продолжительности: система, постоянно готовая распасться на отдельные интересы, десятилетиями действовала вокруг одной правительницы.

Продолжительность, однако, ещё не означает прочности. Пока Эрменгарда находилась в центре отношений, равновесие можно было восстанавливать после каждого кризиса. Новый виконт получал права предшественницы, но не её прошлое. Писцы могли продолжить службу, держатели замков — подтвердить обязательства, городские и церковные учреждения — действовать по прежним обычаям. И всё же каждому участнику предстояло решить, признаёт ли он нового виконта и на каких условиях. Вместе с титулом переходила возможность требовать верности; сама верность нуждалась в новом подтверждении.

Порядок без аппарата

Средневековую власть легко описать словами, пришедшими из гораздо более позднего времени: государство, администрация, внешняя политика, судебная система, передача полномочий. Они удоб-

ны, но могут создать ложную картину учреждения с постоянными служащими, установленными границами обязанностей и памятью, независимой от смены правителя. Нарбонна Эрменгарды была устроена иначе.

У виконтессы были советники, писцы, судьи и управляющие. Решения подтверждались печатью, права записывались и могли предъявляться спустя годы. Но многое зависело от того, кто присутствовал, чью клятву признавали, какие свидетели подтверждали сделку и кто обладал достаточной силой, чтобы исполнить решение.

Право на замок, суд или помощь вассала редко действовало само собой. Владение могло быть разделено между держателем крепости, верховным сеньором и претендентами на доходы; юрисдикция нуждалась в признании; письменное соглашение сохраняло доказательство, но его исполнение зависело от участников. Так, договор с Эрменго де Фабрезаном был составлен по правилам, однако через несколько месяцев тот признал Педро.

То же происходило с судом. Эрменгарда обладала правом судить вассалов, но дело Беренгара показало, что само право могло быть оспорено и нуждалось в подтверждении извне. Письмо Людовика VII помогло защитить её юрисдикцию, однако оно не создавало постоянного суда, который затем автоматически выносил бы решения от имени абстрактного виконтства. Правосудие оставалось действием

сеньора, совета, свидетелей и людей, признававших их решение.

Фредрик Шейетт назвал общество этого времени «безгосударственным». Это намеренно заострённая аналитическая формула, а не самоназвание эпохи и не общепринятая классификация. Она подчёркивает отсутствие единой публичной власти современного типа, но не отсутствие порядка. В Окситании существовали законы, суды, налоги и пошлины, политические границы, должности и признанные права. Спорным и изменчивым оставался охват власти: ни один центр не мог без постоянного согласования подчинить себе все остальные силы.

В Нарбонне невозможность такого единовластия была видна особенно ясно. Светская и церковная сеньории делили город. Их права пересекались в судах, доходах, земле и управлении. Ни виконт, ни архиепископ не мог просто отменить другого. Соглашения между ними не устраняли двойственность, а делали её переносимой. Городской порядок держался не на окончательной победе одной стороны, а на признании границ, которые приходилось заново уточнять.

Эрменгарда не изобрела эту систему и не могла заменить её по собственной воле. Её управление состояло в том, чтобы превращать наследственное право в признанную власть, привлекать посредников, связывать местный спор с интересами крупных правителей и выбирать между силой, уступкой и договором. Результатом была цепь обязательств меж-

ду виконтессой, вассалами, городскими людьми и церковными учреждениями.

У такой системы были способы хранить прошлое. Грамоты сохранялись при дворе, в семьях и церковных учреждениях; повторение имён свидетелей показывает устойчивость круга, участвовавшего в управлении. Но письменная память была распределена между несколькими владельцами, а её полнота и организация нам неизвестны. Поэтому нельзя ни отрицать существование виконтского архива и хозяйственных записей, ни приписывать Нарбонне позднейший единый административный аппарат.

Оценивать Эрменгарду по тому, создала ли она государство в позднейшем смысле, было бы неверно. Власть графов Тулузы и Барселонского дома также зависела от договоров, вассалов, церковных союзов и родственных связей. Их преимущество состояло прежде всего в большем объёме земель, военной силы и династических ресурсов. То же предостережение относится к французской короне: ограниченность прямого управления за пределами домена не делала её политически незначительной. Королевское происхождение, церковные связи, браки, подтверждение прав и способность выступать судьёй позволяли Капетингам воздействовать на аристократию далеко от земель, которыми они распоряжались непосредственно. Поэтому различие проходит не между существующей и отсутствующей властью, а между разными способами её действия и

разной возможностью превратить отдельное вмешательство в устойчивое подчинение.

Небольшое виконтство не обладало таким запасом прочности. Потеря нескольких замков, уход влиятельного вассала или враждебность архиепископа могли изменить положение гораздо сильнее, чем похожий конфликт — судьбу большого княжества. Власть Эрменгарды была гибкой потому, что иной быть не могла; та же гибкость делала её зависимой от человека, который каждый раз заново соединял части.

То, что оставалось личным

За долгие годы правления имя Эрменгарды само стало политическим доводом. Личный авторитет в её мире был не обаянием и не славой в позднем смысле. Он складывался из памяти о выполненных обещаниях, способности вознаградить службу, родственных связей, прежних побед, доступа к сильным покровителям и готовности защищать свои права.

В начале правления право Эрменгарды на Нарбонну защищали её союзники, а важнейшие решения принимались без неё. К зрелым годам она стала человеком, участие которого могло помочь заключить мир между графом Тулузы и королём Арагона. Такой переход не был записан ни в одном акте. Каждый документ показывал лишь отдельное действие: клятву, дарение, судебный спор, соглашение, письмо. Но вместе они создавали репутацию прави-

тельницы, умеющей действовать в широком политическом круге.

Этот накопленный вес нельзя было передать одним распоряжением. Наследник мог получить замки и доходы, потребовать оммаж, пользоваться печатью виконта, ссылаться на родство, подтвердить старые пожалования и сохранить советников. Но он не мог стать участником соглашений, заключённых до его появления, и заставить людей помнить его так же, как женщину, с которой они имели дело десятилетиями.

Здесь особенно ясно различие между наследованием имущества и накопленным политическим опытом. Владения можно перечислить в грамоте, замок передать, клятву потребовать заново. Нельзя тем же способом передать знание о том, чьё обещание нуждается в свидетеле, кого привлечь посредником и когда уступка надёжнее победы. Мы не располагаем записями, где Эрменгарда объясняла бы свою технику; речь идёт о реконструкции по повторяющимся действиям.

Личное в её власти не означало произвольного. Авторитет возникал внутри системы признанных прав и ожидаемого поведения: нельзя было без последствий отнять феод, нарушить клятву или проигнорировать церковную привилегию. Но правила оставляли выбор между войной, посредничеством, браком, выплатой и новым соглашением. В этом пространстве особенно много значили опыт, память и репутация правителя.

Пол Эрменгарды одновременно ограничивал её и делал достигнутый результат особенно заметным. Противник мог представить женщину неспособной судить вассала, брак — стать средством передачи её владения мужчине, отсутствие детей — превратить преемство в затяжную угрозу. Она не отменила этих условий и не жила вне представлений своего века. Её успех состоял в том, что внутри них она добилась признания как самостоятельная сеньора.

Такое признание тоже не наследовалось. Мужчина, вступавший во владение после неё, не должен был вновь доказывать само право своего пола на суд и войну. Но ему требовалось доказать другое: что он способен быть нарбоннским виконтом, а не только родственником из могущественного кастильского дома. Педро решил задачу силой и быстрым установлением контроля. Его сыну предстояло выстраивать собственные отношения с городом, архиепископом, вассалами и соседями.

Переход власти обнаружил двойной предел. Накопленный авторитет Эрменгарды нельзя было передать неизменным, но и сама она не могла единолично определить порядок преемства. В 1192–1193 годах часть людей признала наследника действующим виконтом, тогда как права и опыт прежней правительницы уже не обеспечивали ей контроль над городом.

Власть начала покидать её раньше, чем исчез титул. Когда вассал выбирал наследника, он не обязательно отрицал прежние обязательства или

выносил нравственный приговор старой виконтессе. Он решал, с кем придётся жить после её смерти. Политическое будущее становилось ресурсом, которого у Эрменгарды уже не было.

Мера успеха

Если считать успехом только вечную защиту Нарбонны от внешнего вмешательства и бесконфликтную передачу власти, Эрменгарда эту проверку не проходит. Но такая мерка требует от одного средневекового правителя того, чего не обеспечивали и куда более сильные династии. Важнее спросить иначе: что ей удалось удержать в пределах собственной жизни и собственных возможностей?

Ответ виден в самой продолжительности её правления. Девочка, потерявшая отца и город, вернула наследство и почти полвека оставалась признанной правительницей. Она пережила попытку династического захвата, войны соседей, смену поколений союзников, споры с вассалами и церковью. Каждый такой кризис мог закончить её власть гораздо раньше.

Выбор дома Лара имел понятную политическую логику: сильная и удалённая родственная ветвь могла защитить виконтство от ближайших претендентов. В этом же выборе заключался риск. Чтобы поддержать Нарбонну, наследник должен был располагать собственной силой; располагая ею, он мог добиваться власти ещё при жизни виконтессы. То, что должно было обеспечить продолжение власти,

постепенно стало угрозой самой правительнице. Источники не показывают безопасной альтернативы этому решению.

Здесь и проходит граница её возможностей. Эрменгарда умела отсрочить захват, собрать коалицию, добиться признания, подтвердить право и восстановить порядок после кризиса. Она не могла сделать так, чтобы следующий правитель унаследовал вместе с Нарбонной десятилетия её личных связей и авторитета. Передавалось владение; политическая биография не передавалась.

Почти пятьдесят лет правления — не короткий промежуток между двумя поражениями, а время жизни нескольких поколений. Для людей, которые рождались, торговали, судились, приносили клятвы и умирали при одной виконтессе, её власть была не эпизодом, а привычным политическим порядком. Позднейший крах не превращает эти десятилетия в ожидание неизбежного конца.

Этот порядок защищал права одних и подчинял других, опирался на неравенство, феодальные обязанности и возможность вооружённого принуждения. Эрменгарда не была правительницей вне своего сословия и времени. Её договоры служили сохранению собственной сеньории, а не созданию общего блага в современном понимании. Когда источники говорят о пользе города или мире, за этими словами стояли интересы конкретных групп и владельцев.

Сводить её действия к защите частного наследства тоже было бы неверно. Непрерывность власти имела значение для города, торговли, судов и безопасности дорог. Способность удерживать соглашение между соперничающими центрами позволяла Нарбонне сохранять особое положение. Личный интерес виконтессы и устойчивость политического порядка не совпадали полностью, но постоянно пересекались.

Остались документы с её именем и печатью, пожалования, права и споры, в которых позднейшие владельцы могли ссылаться на принятые при ней решения. Осталась династическая линия, которую она сама признала, и литературная память — неполная, превратившая политическую правительницу в воспетую трубадурами госпожу. Но главное достижение существовало во времени и потому не могло сохраниться как вещь: почти полвека Нарбонна оставалась владением, с которым крупные соседи были вынуждены договариваться.

Эрменгарда не создала власть, независимую от человека. Её поражение обозначило предел личного авторитета, не отменяя предшествующих десятилетий. Долговечность важна для оценки правления, однако не является единственной мерой исторического значения.

Глава 12

Две судьбы одной эпохи

Общий культурный круг

Сравнение с Алиенорой Аквитанской напрашивается само собой. Они родились с разницей в несколько лет, унаследовали владения на юге нынешней Франции и прожили долгую жизнь в одном XII веке; обе были связаны с миром трубадуров. Но брачная угроза проявлялась неодинаково. В случае Эрменгарды известен конкретный проект: Альфонс Иордан пытался закрепить захват Нарбонны браком с наследницей. У Алиеноры оба брака ставили её огромное наследство под структурный контроль супруга, хотя собственное право на Аквитанию не исчезало. На внешнем сходстве легко построить эффектную параллель — и скрыть за ней главное: их положение с самого начала было различным.

Аквитания и Нарбонна не принадлежали к единому политическому пространству. Герцогство Алиеноры занимало огромную территорию, включало области с собственными обычаями и местными властями и было гораздо обширнее королевского домена Капетингов. Нарбоннское виконтство было значительно меньше и само делило власть в городе с архиепископом, но находилось в точке пересечения тулузских, барселонских и арагонских интересов. Алиенора получила наследство, способное

изменить равновесие между королевствами. Эрменгарда получила владение, за которое боролись соседи, но которое не могло само стать основой большой монархии.

Не был единым и язык этих земель. Нарбонна и значительная часть владений Алиеноры находились в широкой области говоров d’oc, но старокситанская письменная практика лишь вырабатывала общие нормы и сохраняла заметную местную вариативность. Песня могла переходить от одного двора к другому благодаря узнаваемым поэтическим формам и наддиалектным чертам, однако это не превращало речь Пуатье, Бордо и Нарбонны в один язык без различий. В Пуату граница между областями d’oc и d’oïl была подвижной и не совпадала с политическими рубежами владений. Поэтому близость придворной культуры не следует принимать за языковое единство всей Аквитании и Окситании.

С миром трубадуров обе женщины были связаны по-разному. Дедом Алиеноры был Гильом IX, герцог Аквитании и граф Пуатье, чьи песни — самые ранние из сохранившихся произведений трубадуров. При нарбоннском дворе трубадуры появлялись уже в годы правления Эрменгарды, а её имя вошло в поэтическую традицию как имя знатной и влиятельной госпожи. Но из этих фактов нельзя выводить ни существование общего кружка, ни личную близость двух женщин, ни тем более их встречу. Документы такой встречи не показывают.

Политические линии их мира пересекались без непосредственного знакомства. Дом Тулузы был для Эрменгарды постоянной угрозой, а для Алиеноры — одним из крупных соседей и предметом притязаний её мужей. Капетингская монархия вмешивалась в нарбоннские дела через письма и суд, тогда как Алиенора почти пятнадцать лет была женой Людовика VII. Власть Плантагенетов приблизилась к Средиземноморью через Аквитанию, браки и войны, но Нарбонна оставалась за пределами их прямого господства. Обе женщины видели одни и те же крупные силы, однако смотрели на них с разных расстояний.

Сходство начиналось не с географии, а с положения наследницы. В XII веке женщина могла получить землю по праву рождения, приносить и принимать клятвы, утверждать дарения, судить и распоряжаться доходами. Но наследство делало её не только правительницей, но и желанной участницей брачного соглашения. Муж получал возможность говорить от её имени, пользоваться её титулом и вводить в её земли собственных людей. Право женщины не исчезало, но рядом с ним возникала мужская власть, обычно располагавшая большей военной поддержкой.

Власть и брак

Когда в 1137 году умер отец Алиеноры, Гильом X, его дочь стала герцогиней Аквитании. Почти сразу она вышла замуж за наследника французского пре-

стола, будущего Людовика VII. Такой брак обеспечивал ей защиту сильнейшего титула, доступного французской знати, а Капетингам открывал путь к аквитанским владениям. Но Аквитания не превратилась в обычную часть королевского домена. Она оставалась наследством Алиеноры, и при управлении герцогством приходилось считаться с местными правами, сеньорами и городскими властями.

Эрменгарда в это время ещё боролась за возвращение Нарбонны. Альфонс Иордан пытался соединить захват города с браком, который придал бы его власти видимость законного порядка. Союзники Эрменгарды сорвали этот план. Второй её брак, с Бернаром д’Андюзом, оказался устроен иначе: он включал виконтессу в сеть союзов, но не переносил центр власти с неё на мужа. Для женщины её времени это было редким результатом, однако он зависел не от отказа от брака как института, а от конкретного равновесия сил вокруг Нарбонны.

Алиенора дважды получила вместе с браком корону и дважды обнаружила, что королевский титул не равен свободе распоряжаться собственным наследством. В браке с Людовиком VII она участвовала во Втором крестовом походе, сопровождала двор и подтверждала дарения, но основные решения монархии принимали король и его советники. После расторжения брака в 1152 году Алиенора сохранила Аквитанию и вскоре вышла замуж за Генриха Плантагенета. Через два года он стал английским королём Генрихом II, и аквитанские

земли вошли в состав огромного комплекса владений от Англии до Пиренеев.

Этот масштаб сделал Алиенору участницей европейской политики, но не обеспечил ей непрерывной личной власти. В первые годы второго брака она действовала рядом с Генрихом, выдавала и подтверждала грамоты, иногда представляла королевскую власть во время его отсутствия. Позднее она находилась в Аквитании и выступала там как герцогиня вместе с сыном Ричардом. После мятежа сыновей против Генриха II в 1173–1174 годах король заключил её под стражу. Почти шестнадцать лет одна из богатейших наследниц Европы не могла свободно управлять ни герцогством, ни собственной жизнью.

Эрменгарда в те же десятилетия не носила королевской короны и не распоряжалась землями, сравнимыми с Аквитанией. Нарбоннские акты регулярно показывают её действующей от собственного имени: она принимала оммаж, заключала соглашения, вмешивалась в споры вассалов, обращалась к королю Франции и защищала судебные права. Сопоставлять эту документированную деятельность с властью Алиеноры можно лишь осторожно. Королевские архивы и хроники нескольких стран сохранили несравнимо более широкий и неоднородный материал об Алиеноре, тогда как Эрменгарда известна преимущественно по актам одной сеньории.

Различие проявляется не в простой шкале от меньшей власти к большей. Возможность Алиеноры

действовать менялась вместе с её положением в королевской семье: участие в управлении сменилось многолетним заключением, а затем новым возвышением при сыне. Эрменгарда располагала меньшими средствами, но большую часть жизни выступала главным лицом собственной сеньории и лишь в конце была вытеснена наследником. В обоих случаях титул обозначал право, но не гарантировал постоянной возможности им пользоваться.

Сравнение здесь полезно как сопоставление разных зависимостей. Для Алиеноры решающими были отношения внутри королевской семьи и составной характер владений Плантагенетов; для Эрменгарды — баланс сил в Нарбонне и отношения с соседними сеньорами. Алиенора как королева Франции не обязательно распоряжалась Аквитанией свободнее, чем Эрменгарда своим виконтством. Зато положение матери Ричарда Львиное Сердце и Иоанна давало ей династические возможности, которых у бездетной Эрменгарды не было.

После смерти Генриха II в 1189 году положение Алиеноры изменилось. Ричард освободил мать и доверил ей важные дела королевства. Пока он находился в крестовом походе, а затем в плену, она участвовала в управлении, собирала средства для выкупа, вела переписку и защищала права сына. В преклонном возрасте Алиенора снова стала действующей политической фигурой. Её возвращение показывает то же, что и поздние годы Эрменгарды, хотя исход был противоположным: личная способность могла сохраняться, но пространство для неё

определяли семейные и политические обстоятельства.

Наследники и продолжение

Самая глубокая граница между двумя судьбами проходила через наследование. У Алиеноры было две дочери от Людовика VII и восемь детей от Генриха II. Не все пережили родителей, не все получили владения, а отношения внутри семьи часто превращались в войну. Но династическая сеть существовала: сыновья становились герцогами и королями, дочери вступали в браки с правителями Саксонии, Кастилии и Сицилии.

Дети не гарантировали мирного будущего. Генрих Молодой, Ричард и Жоффруа восставали против отца. Генрих Молодой и Жоффруа умерли раньше родителей. Ричард провёл годы вне Англии и погиб, не оставив законного наследника. После его смерти Алиенора поддержала Иоанна в борьбе за престол с внуком Артуром Бретонским. Династия продолжалась не как спокойная передача накопленного могущества, а через мятежи, плены, измены и войны.

Родство давало Алиеноре политическую роль, недоступную Эрменгарде. После освобождения она действовала не только как герцогиня Аквитании, но и как мать короля. Материнство связывало её личный авторитет с будущим династии: она могла обращаться к подданным от имени Ричарда, участвовать в обеспечении его наследования и поддерживать Иоанна.

У Эрменгарды собственных детей не было; выбор наследника становился не продолжением прямой линии, а политическим решением. Племянники из дома Лара обладали родственным правом и внешней силой, необходимой для защиты Нарбонны. Но их положение оставалось двусмысленным: они должны были ждать смерти виконтессы и одновременно заранее укреплять связи с городом и вассалами. Чем убедительнее становился будущий правитель, тем меньше пространства оставалось нынешней правительнице.

Алиенора тоже знала конфликт между настоящей властью родителя и ожиданиями наследников. Мятеж 1173 года вырос из недовольства сыновей, имевших титулы и обещания, но не получивших достаточной самостоятельности. Разница состояла в том, что Алиенора могла занять сторону детей против мужа, а затем вернуться к власти благодаря победе одного из сыновей. Эрменгарда стояла перед наследником одна. Педро Манрике не освобождал её от чужой власти — он сам становился силой, от которой ей приходилось защищаться.

Прямое потомство не только продолжало права Алиеноры, но и умножало рассказы о ней. Хроника, посвящённая Людовику VII, Генриху II, Ричарду или Иоанну, неизбежно упоминала её. Истории Марии Шампанской и дочерей Алиеноры, ставших герцогиней Саксонии и королевами Кастилии и Сицилии, снова возвращали к их матери. Даже семейные конфликты удерживали Алиенору в повествовании: её нельзя было исключить, не оста-

вив непонятными происхождение владений и отношения между правителями.

Дом Лара продолжил линию виконтов Нарбонны, но это продолжение не требовало постоянно рассказывать историю Эрменгарды. Для законности было достаточно родства через её сестру и признанного перехода прав. Новые виконты создавали собственные договоры, конфликты и связи. Чем дальше отходило время её правления, тем меньше практической необходимости оставалось помнить, как именно она удерживала Нарбонну в середине XII века.

Различие заключалось не в том, что одна женщина сумела передать власть, а другая нет. Обе передали наследственные права и обе столкнулись с конфликтом между поколениями. Но Алиенора находилась внутри династии, история которой стала частью истории нескольких королевств. Эрменгарда передала виконтство боковой родственной линии, после чего её личная политическая биография перестала быть необходимой частью рассказа о новом доме.

Кого запоминает история

Историческая память начинается не через сто лет после смерти: её направление задают уже документы, создаваемые при жизни человека. Алиенора появлялась в королевских грамотах, финансовых записях, письмах и хрониках. Она сопровождала французского короля в крестовом походе, была же-

ной английского короля, матерью двух королей и участницей великого семейного мятежа. Хронисты могли осуждать её или повторять слухи, но им было трудно обойти её молчанием.

Эрменгарда оставила другой след. Большая часть известного о ней содержится в грамотах, соглашениях, судебных материалах и переписке. Такие документы хорошо показывают действие власти, но редко создают связный рассказ: сообщают, кто передал землю, подтвердил право, принял клятву или разрешил спор, почти не объясняя, как человек пришёл к решению и каким его видели современники. Из десятков свидетельств историк может восстановить долгую политическую деятельность, но готовой биографии они не дают.

Хроника устроена иначе. Она связывает поступки с войной, браком, изменой, рождением и смертью. Хроникальная память легче превращается в легенду. Алиенору обвиняли в неподобающем поведении во время крестового похода, связывали с семейными раздорами и позднее сделали хозяйкой вымышленных «судов любви». Достоверность таких рассказов различна, а некоторые возникли намного позже описываемых событий. Но даже ошибка поддерживает известность имени, если её продолжают пересказывать.

Поэтическая память Эрменгарды оказалась уже. В песнях сохранился образ знатной госпожи, за которым почти исчезла правительница, занятая судами, замками и вассальными обязательствами. Литературное имя пережило часть политических обстоя-

тельств, но не заменило хроники. Так Эрменгарда могла оставаться известной специалистам по трубадурам и истории Нарбонны, не становясь героиней общего повествования о XII веке.

У Алиеноры появился и материальный образ памяти. В Фонтевро рядом с изображениями Генриха II и Ричарда находится её надгробное изваяние: коронованная женщина держит раскрытую книгу. Не имеет значения, передаёт ли оно её внешность. Изваяние связывает имя, королевский статус, династию и определённый образ образованной правительницы. У Эрменгарды не сохранилось столь же узнаваемого памятника, который столетиями напоминал бы посетителю, кого именно следует помнить.

Известность Алиеноры не означает, что память сохранила её точнее. Королевские титулы, два брака, крестовый поход, плен и знаменитые сыновья создали удобный сюжет, постоянно обраставший подробностями. Реальная герцогиня уступала место то распутной королеве, то покровительнице свободной любви, то почти современной женщине, восставшей против ограничений своего века. Эрменгарду забывали; образ Алиеноры в хрониках и позднейших рассказах обрастал легендами. Оба способа обращения прошлого с человеком искажают его жизнь.

Сравнение не даёт основания назвать одну из них более успешной. Алиенора сохранила наследство, но не уберегла державу Плантагенетов от распада; её дети продолжили династию, но их борьба разруша-

ла политическое единство семьи. Эрменгарда не оставила прямых потомков и потеряла власть в конце жизни, зато почти полвека удерживала Нарбонну между значительно более сильными соседями. Результаты их правления измерялись разными задачами.

Известность Алиеноры поэтому плохо подходит как мера исторического значения. Корона, королевские дети и место в хрониках обеспечили ей гораздо более прочную посмертную память. Эрменгарда действовала на меньшей сцене, но для людей, зависевших от решений нарбоннского двора, эта сцена не была малой. Размер территории и значение власти связаны, но не совпадают.

Алиенора показывает, как средневековая женщина могла войти в европейскую историческую память. Эрменгарда напоминает о другом: долгая и вполне реальная власть сама по себе не обеспечивает долгой известности. Память охотнее удерживает тех, без кого невозможно рассказать историю королевства, династии или большой войны. Власть небольшой сеньории приходится возвращать из документов — почти так же, как мы возвращали из них саму Эрменгарду.

Семья Эрменгарды и наследование Нарбонны

Показаны только родственники, связанные с наследованием Нарбонны. Эмери де Лара, племянник Эрменгарды, и Эмери III Нарбоннский, сын Педро, — разные люди.

Основные даты жизни и правления

Дата	Событие
1127–1129	Предполагаемое время рождения Эрменгарды.
1134	Гибель её отца, виконта Эмери II. Малолетняя Эрменгарда наследует права на Нарбонну.
Конец 1130-х годов	Граф Тулузы Альфонс Иордан устанавливает контроль над Нарбонной.
21 октября 1142	Брачный договор Эрменгарды с Альфонсом Иорданом. Степень осуществления брачного союза остаётся предметом разногласий.
1143	Поражение и пленение Альфонса Иордана. Возвращение Нарбонны Эрменгарде и начало её самостоятельного правления.
Около 1143	Брак с Бернаром д’Андюзом. Виконтство остаётся наследственным владением Эрменгарды.
20 июля 1151	Обмен клятвами верности между Эрменгардой и Раймоном Тренкавелем.
1156	Соглашение с архиепископом Беренгаром о доходах и правах, включая условия владения башней с воротами.
1159	Эрменгарда выступает против Раймона V Тулузского на стороне Генриха II.

Дата	Событие
2 октября 1163	Грамота аббату Каранта о монастырском приобретении в Кумиаке с сохранением оговорённых сеньориальных прав Эрменгарды.
1164	Спор о праве Эрменгарды судить вассала. Людовик VII подтверждает её судебную власть.
С 1167	Эмери де Лара появляется в документах рядом с Эрменгардой и участвует в управлении как её наследник.
4 марта 1174	Мирное и торговое соглашение Нарбонны с Пизой, заключённое через представителя виконтессы, её соправителя и городского сообщества.
Апрель 1176	Эрменгарда участвует в заключении мира в Жарнеге как посредница.
Август 1176	Передача архиепископу Понсу д’Арсаку прав на Терраль.
1177	Смерть Эмери де Лары. Наследником Эрменгарды становится его брат Педро Манрике де Лара.
1192	Педро получает контроль над Нарбонной; Эрменгарда утрачивает возможность управлять городом.
Март 1193	Соглашение с Эрменго де Фабрезаном: уступка будущих прав преемников в обмен на поддержку Эрменгарды при её жизни.

Дата	Событие
Конец 1193	Эрменго де Фабрезан приносит оммаж Педро.
28 апреля 1194	Педро назначает своего сына Эмери наследником нарбоннских прав.
30 апреля 1196	Завещание Эрменгарды, продиктованное в Мас-Деу.
1196 или 1197	Смерть Эрменгарды. Точная дата не установлена.

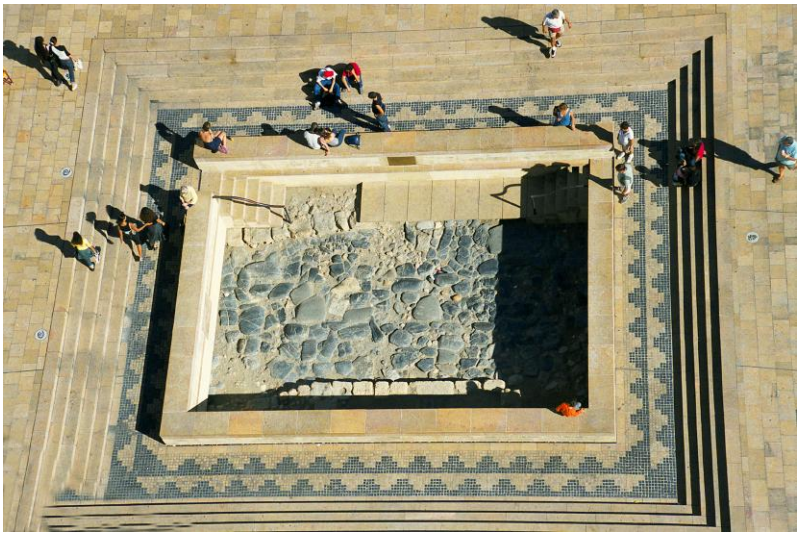
Приблизительные и спорные даты обозначены в соответствующих строках. Наследование прав на виконтство в 1134 году и начало самостоятельного правления в 1143 году — разные события.

Иллюстрации

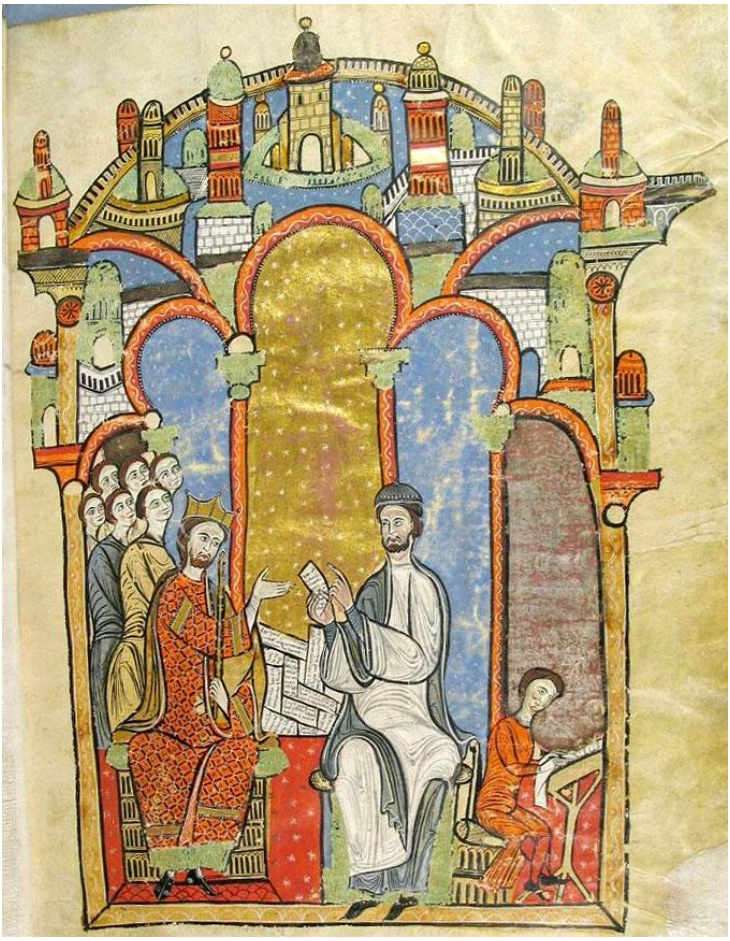
Города, предметы и рукописные изображения, связанные с местами и людьми этой книги.

Нарбонна между Тулузой, владениями Тренкавелей и Барселонским домом. Южная Франция и каталонское побережье, середина XII века. Границы условны.

Денарий Эрменгарды Нарбоннской. XII век. Обе стороны одного экземпляра. Цифровая публикация — Gallica.

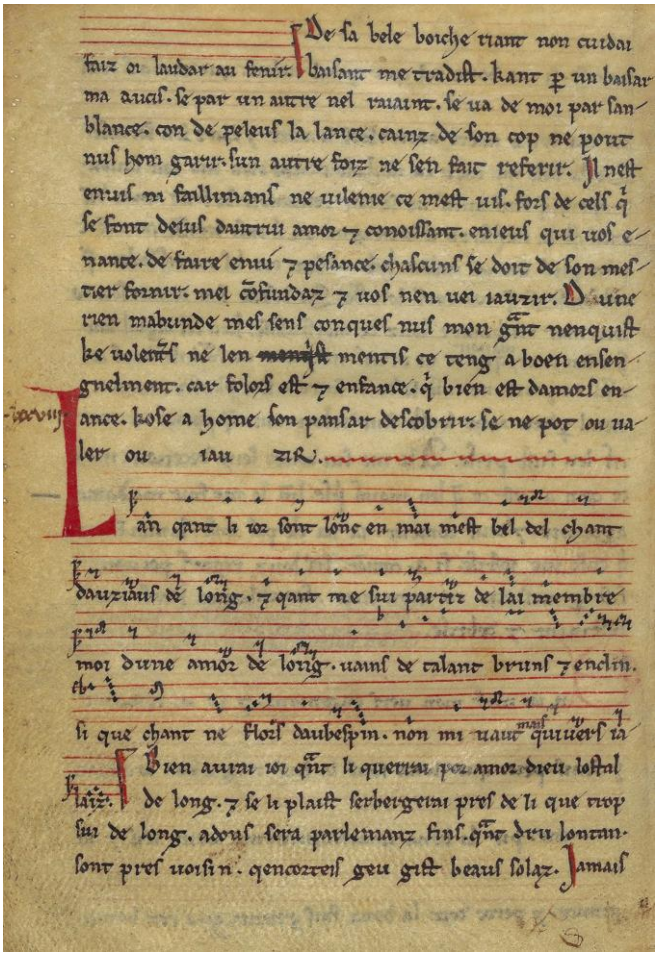


Сохранившийся участок римской дороги Via Domitia в центре Нарбонны. Фотография 2004 года. Это античная мостовая, а не мостовая XII века.



Альфонсо II Арагонский и Рамон де Кальдес за работой с документами. Миниатюра из Liber feudorum maior, л. 1r. Архив Арагонской короны, Барселона. Картулярий XII–XIII веков.

Неф церкви аббатства Фонфруад близ Нарбонны. Его строительство началось во второй половине XII века; церковь позднее перестраивалась. Фотография Даниэля Вильяфруэлы, 8 июня 2014 года.



Песня Жауфре Рюделя в песеннике Сен-Жермен-де-Пре. Рукопись XIII века. Национальная библиотека Франции, Français 20050, л. 81v. Пример рукописной передачи песен трубадуров, не документ двора Эрменгарды.

Источники иллюстраций

Карта-схема подготовлена для этой книги. Географическая основа — современные очертания побережья и координаты городов; исторический контекст сопоставлен с картой Огюста Лоннона «Carte du royaume de France en 1154» (Atlas historique de la France depuis César jusqu'à nos jours, Paris: Hachette, 1889; Gallica, bpt6k91172147). Границы условны.

BnF, Gallica, btv1b10671631s. Цифровые изображения обеих сторон монеты — Wikimedia Commons. Public Domain Mark.

Фото Ptitgonevx, 24 мая 2004 года. Wikimedia Commons, Via Domitia Narbonne.jpg. CC BY-SA 3.0. Изображение воспроизведено без обрезки и цветовых изменений. Лицензия: https://creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0/

Archivo de la Corona de Aragón, Liber feudorum maior, л. 1r. Изображение: Wikimedia Commons, Liber feudorum maior.jpg, общественное достояние. Описание и датировка картулярия: Ministerio de Cultura, Liber feudorum maior (12th–13th centuries).

Монета в Gallica

Фотография Via Domitia

Картулярий в описании архива

Карта Огюста Лоннона в Gallica

Daniel VILLAFRUELA. Narbonne-Abbaye de Fontfroide-Nef-20140608.jpg. Фото 8 июня 2014 года, Wikimedia Commons. CC BY-SA 3.0. Изображение воспроизведено без обрезки и цветовых изменений.

Фотография Фонфруада

Датировка и перестройки церкви: Inventaire général du patrimoine culturel, Région Occitanie. Eglise abbatiale Notre-Dame de Fontfroide, IA11000083.

Описание церкви

Лицензия фотографии: Creative Commons Attribution-ShareAlike 3.0.

Условия лицензии

BnF, Français 20050, л. 81v. Chansonnier de Saint-Germain-des-Prés, XIII век. Gallica, btv1b60009580, изображение f170. Скан: Wikimedia Commons, BnF ms. 20050 fol. 81v.jpg. Общественное достояние.

Лист песенника

Примечания

Примечания расположены по главам. Они указывают источники отдельных сведений и поясняют, где документ допускает разные толкования. Полные названия основных исследований приведены в разделе «Источники и литература».

К главе 1

1. Первые консулы. Первое надёжное упоминание нарбоннских консулов относится к торговому соглашению с Генуей 1131 года. Из него нельзя выводить существование уже сложившегося муниципального управления: консулы с административными функциями внутри города уверенно засвидетельствованы позднее. См.: Caille, «Le consulat de Narbonne, problème des origines», с. 243–263, особенно с. 243. https://www.persee.fr/doc/shmes_1261-9078_1990_act_16_1_1473.

К главе 2

2. Возраст наследницы. Даты 1127–1129 — приблизительная оценка, а не документально установленный год рождения. Поэтому указания возраста Эрменгарды в книге также приблизительны. См.: Caille, «Ermengarde, vicomtesse de Narbonne»; биографическая справка Epistolae. https://epistolae.ctl.columbia.edu/woman/5.html.

3. Наследственное право и управление. Наследование после смерти Эмери II в 1134 году и начало самостоятельного правления около 1143 года —

разные события. В промежутке Эрменгарда сохраняла право на виконтство, но не распоряжалась им самостоятельно. См.: Caille, «Les seigneurs de Narbonne dans le conflit Toulouse–Barcelone au XIIe siècle». https://www.persee.fr/doc/anami_0003-4398_1985_num_97_171_2087.

К главе 3

4. Брачный договор. Документ о союзе с Альфонсом Иорданом не даёт основания без оговорок описывать совершившийся и осуществлённый брак. В книге различаются заключение договора и его реализация. См.: Caille, «Ermengarde, vicomtesse de Narbonne»; Cheyette, Ermengard of Narbonne and the World of the Troubadours.

5. Свидетельство о борьбе за Нарбонну. Рассказ известен как добавление к рукописной традиции «Сефер ха-Каббала», а не как самостоятельный акт нарбоннской власти. Его изложение и сопоставление с документами см.: Graboïs, Aryeh. «Une étape dans l'évolution vers la désagrégation de l'État toulousain au XIIe siècle: l'intervention d'Alphonse-Jourdain à Narbonne (1134–1143)» // Annales du Midi. 1966. T. 78, № 76. C. 23–35. Описания городских партий и положения еврейской общины требуют той же осторожности, что и другие повествовательные свидетельства. https://www.persee.fr/doc/anami_0003-4398_1966_num_78_76_4395.

К главе 4

6. Бернар д'Андюз. Самостоятельную власть Эрменгарды нельзя объяснять только вдовством: она

действовала от собственного имени уже при живом Бернаре. Дата его смерти остаётся неясной. Из редких упоминаний мужа в нарбоннских актах не следует, что он не участвовал в политике за пределами виконтства. См.: Caille, «Ermengarde, vicomtesse de Narbonne»; Cheyette, Ermengard of Narbonne. О толковании условий присяги и наследственных правах Эрмессинды: Cheyette, Ermengard of Narbonne, с. 21–22, примечание 18 к главе 1.

К главе 5

7. Взаимные клятвы. Публикация сохраняет не только обещание Эрменгарды Раймону Тренкавелю, но и ответную клятву Тренкавеля. Это взаимное соглашение с оговорёнными исключениями, а не свидетельство подчинения всей Нарбонны виконту Безье. Текст: Epistolae, акт от 20 июля 1151 года. https://epistolae.ctl.columbia.edu/letter/1441.html. Клятва Бернара, сына Фиды, Эрменгарде: Cheyette, Ermengard of Narbonne and the World of the Troubadours, с. 187. Русский перевод выполнен для настоящей книги.

8. Защита семьи Тренкавеля. Поручение сына и людей Эрменгарде показывает практическое значение родства и союзной связи. Его не следует понимать как опеку над всем домом Тренкавелей: забота о жене и детях была также поручена графу Барселоны. См. документ, приведённый в биографической справке Epistolae, со ссылкой на публикацию Caille. https://epistolae.ctl.columbia.edu/woman/5.html.

9. Соляные промыслы и пошлины. В латинском тексте соглашения записан 1162 год, тогда как на полях печатной публикации указано 31 января 1163 года. Ту же

редакторскую дату воспроизводит Epistolae. Акт называет графа Барселоны Рамона Беренгера и его двор. Отождествление арбитра с Рамоном Беренгером IV при датировке решения 1163 годом создаёт хронологическую трудность: граф умер 6 августа 1162 года. Поэтому точный год арбитража в основном тексте не указан. По содержанию акт требует отменить повышения сборов, которыми каждая сторона обременяла людей другой. Текст: Histoire générale de Languedoc, т. V, стб. 1264–1265, № 651; Epistolae, документ «1163, January 31», https://epistolae.ctl.columbia.edu/letter/1445.html.

10. Соглашение с Пизой. В торговой политике нужно различать интересы виконтессы и участие городского сообщества. Договор заключался через представителя и связывал не одну Эрменгарду, но также соправителя и городских людей. О договорах Нарбонны с морскими республиками см.: Caille, «Les seigneurs de Narbonne dans le conflit Toulouse–Barcelone au XIIe siècle». https://www.persee.fr/doc/anami_0003-4398_1985_num_97_171_2087.

К главе 6

11. Первое обращение по делу Беренгара. Письмо Эрменгарды содержит её позицию в споре, а не беспристрастное изложение всех обстоятельств. Она просит вернуть Беренгара под её юрисдикцию и допускает разбирательство перед названными королём епископами. Текст: Epistolae, письмо 1164 года; обсуждение: Cheyette, Ermengard of Narbonne, с. 213–218. https://epistolae.ctl.columbia.edu/letter/15.html.

12. Королевское подтверждение права судить. Людовик VII противопоставляет доводу из

императорских законов обычай своего королевства и запрещает уклоняться от суда Эрменгарды из-за её пола. Это защита конкретной наследственной юрисдикции, а не провозглашение равенства мужчин и женщин. Текст: Epistolae; Recueil des historiens des Gaules et de la France, т. XVI, письмо № 280, с. 91. https://epistolae.ctl.columbia.edu/letter/18.html.

13. Письмо о коне. Эрменгарда действительно объясняет задержку тем, что ещё не нашла коня, достойного короля. Связь дорогого подарка с подтверждением её судебной власти — предположение Шейетта, а не прямое утверждение письма. Текст: Epistolae; обсуждение: Cheyette, Ermengard of Narbonne, с. 218–219. https://epistolae.ctl.columbia.edu/letter/16.html.

К главе 7

14. Призыв к Людовику VII. Письмо соединяет заверение в верности французской короне с требованием деятельной поддержки Тулузы. Оно свидетельствует о перемене политической позиции Эрменгарды, прежде участвовавшей в антитулузских союзах. В книге используется год 1173; точную календарную дату нельзя выводить только из технического обозначения «1/1/1173» в карточке. Текст: Epistolae; Recueil des historiens des Gaules et de la France, т. XVI, письмо № 472, с. 158–159. https://epistolae.ctl.columbia.edu/letter/17.html.

15. Посредничество между Тулузой и Арагоном и кризис 1177 года. Участие в заключении мира показывает признание Эрменгарды за пределами её сеньории. Но оно не позволяет приписать ей одной

условия договора или восстановить незафиксированный ход переговоров. См.: Caille, «Les seigneurs de Narbonne dans le conflit Toulouse–Barcelone au XIIe siècle». Занятие Нарбонны Раймоном V в 1177 году и кратковременное вытеснение Эрменгарды рассмотрены в: Cheyette, Ermengard of Narbonne, гл. 15, с. 274–275; гл. 16, с. 286. Обстоятельства захвата города не установлены. Обстоятельства убийства Раймона Тренкавеля 15 октября 1167 года в церкви Святой Марии Магдалины в Безье рассмотрены в: Benson, «The ‘Traitor’ of Béziers».

К главе 8

16. Адресаты песен. Упоминание Нарбонны и обращение к госпоже сами по себе не устанавливают личность адресата и не доказывают длительного пребывания поэта при дворе. Политические и литературные связи этого круга рассмотрены в: Cheyette, «Women, Poets, and Politics in Occitania»; Paterson, The World of the Troubadours.

17. Песня Азалаис. Заключительное обращение к Нарбонне обычно связывают с Эрменгардой, хотя имя виконтессы в этих строках не названо. Текст и перевод: Bruckner, Shepard, White, Songs of the Women Troubadours, песня № 11, строки 50–52. Эти строки также приведены в биографической справке Epistolae. https://epistolae.ctl.columbia.edu/woman/5.html.

18. Жизнеописание Пейре Рожье. Позднюю vida нужно читать отдельно от песен самого поэта. Она сохраняет традицию о связи с Нарбонной, но не служит достаточным доказательством любовной истории. Русский перевод: Жизнеописания трубадуров / изд.

подгот. М. Б. Мейлах. М.: Наука, 1993. Раздел XL «Пейре Роджьер», с. 140.

19. Северное свидетельство. Прозаический брачный сюжет саги и сохранённые в ней скальдические строфы — разные виды свидетельств. Поздняя литературная обработка не позволяет читать рассказ как точную биографию Эрменгарды. Orkneyinga Saga, перевод Hermann Pálsson и Paul Edwards. Цитируемая строфа в научном корпусе: Jesch, Judith (ed.). Rǫgnvaldr jarl Kali Kolsson, Lausavísur 16 (Rv Lv 16 II) // Gade, Kari Ellen (ed.). Poetry from the Kings' Sagas 2: From c. 1035 to c. 1300. Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. Vol. 2. Turnhout: Brepols, 2009. С. 594. Сайт корпуса: https://skaldic.org/. Текст и английский перевод цитируемых строк: Finlay, Alison. Skalds, Troubadours and Sagas // Saga-Book. Vol. XXIV (1994–1997). С. 108. https://vsnr.org/wp-content/uploads/2021/11/Saga-Book-XXIV.pdf#page=112. Русский перевод выполнен для настоящей книги.

20. Приписанные Эрменгарде суждения о любви. Место в трактате: Andreas Capellanus, De amore, книга II, глава VII. Это литературное свидетельство об авторитетном образе виконтессы, а не протокол судебных заседаний. Само присутствие её имени в трактате не доказывает существования при её дворе особого учреждения «судов любви». См. обзор Epistolae. https://epistolae.ctl.columbia.edu/woman/5.html.

К главе 9

21. Отказ от захвата церковного имущества. Папское письмо подтверждает отмену обычая, позволявшего захватывать имущество кафедры после

смерти архиепископа. Нужно различать первоначальный отказ Эрменгарды и его подтверждение папой. В карточке Epistolae письмо датируется шире — 1156–1159 годами; датировка 9 декабря 1156 года приведена в биографической справке того же корпуса. Текст опубликован также в Gallia Christiana, т. VI, Instrumenta, стб. 41, № XLVIII. https://epistolae.ctl.columbia.edu/letter/25899.html.

22. Разделение доходов и прав. Соглашение с архиепископом Беренгером 1156 года закрепляет взаимные уступки в доходах и владениях. Передача башни с воротами сопровождается запретом усиливать её укрепления. Акт показывает договорное разграничение полномочий, а не исчезновение одной из двух сеньорий. Текст: Epistolae; Gallia Christiana, т. VI, Instrumenta, стб. 40–41, № XLVII. https://epistolae.ctl.columbia.edu/letter/25897.html.
Грамота Эрменгарды архиепископу Понсу от августа 1176 года о передаче прав на Терраль: Telma — Chartes, акт № 139680, https://telma.irht.cnrs.fr/chartes/139680. Беренгер, занявший кафедру в 1191 году: Paloc, Géraldine. «L’“anticléricalisme de l’intérieur”: l’affaire Bérenger de Narbonne (1203–1212)», Cahiers de Fanjeaux, 38 (2003), с. 355–373. https://www.persee.fr/doc/cafan_0575-061x_2003_act_38_1_1818.

23. Пожалование и сохранённые обязанности. В грамоте аббату Каранта от 2 октября 1163 года Эрменгарда подтверждает монастырское приобретение, но сохраняет оговорённые права, включая военные обязанности и содержание воинов. Религиозное пожалование не обязательно означало отказ от всей сеньориальной власти. Текст: Epistolae; Histoire générale

de Languedoc, т. V, стб. 1273–1274, № 654.2. https://epistolae.ctl.columbia.edu/letter/1449.html.

24. О названии катаров. Единство учения, организации и самого обозначения «катары» остаётся предметом спора историков. Поэтому книга не переносит на весь Лангедок XII века готовую картину единой «катарской церкви». Разные позиции представлены в: Sennis, Antonio, ed. Cathars in Question. Woodbridge: York Medieval Press, 2016.

К главе 10

25. Наследники из дома Лара. Эмери и Педро были сыновьями единокровной сестры Эрменгарды, Эрмессинды, и Манрике де Лары. Привлечение племянника к актам и признание его наследником не тождественны немедленной передаче ему всей власти. Эрменгарда продолжала политическую деятельность в 1176 году; её пожалование архиепископу Понсу датировано августом этого года: Telma — Chartes, акт № 139680, https://telma-chartes.irht.cnrs.fr/139680. В акте Эмери для Фонфруада от 25 января 1176 года говорится о принятии монашеского облачения, если он отречётся от мира, и о будущем погребении; это не свидетельство уже совершившегося ухода Эрменгарды от управления: Telma — Chartes, акт № 139679, https://telma-chartes.irht.cnrs.fr/139679. См. также: Caille, «Ermengarde, vicomtesse de Narbonne»; Cheyette, Ermengard of Narbonne. Год смерти Эмери — 1177 — приведён также в биографической справке Epistolae; точный день здесь не устанавливается.

26. Договор с Эрменго де Фабрезаном. Освобождение от обязанностей перед будущим

правителем обменивалось на помощь Эрменгарде при её жизни. Толкование соглашения как попытки собрать поддержку против Педро принадлежит исторической реконструкции; намерения участников не изложены в акте полностью. Текст: Epistolae; Caille, Medieval Narbonne, с. 38; обсуждение: Cheyette, Ermengard of Narbonne, с. 335 и далее. https://epistolae.ctl.columbia.edu/letter/1075.html.

27. Последняя воля. Завещание содержит пожалования религиозным домам, обращение к Педро и условное распоряжение в пользу графа Тулузы на случай неисполнения просьб. Упоминание причинённых Педро и его людьми бед не позволяет считать уход бесспорно добровольным, но и не восстанавливает подробности переворота. Текст: Epistolae, завещание от 30 апреля 1196 года. https://epistolae.ctl.columbia.edu/letter/1076.html. Изложение перехода власти как отречения: Devic, Claude; Vaissete, Joseph. Histoire générale de Languedoc. T. VI. Toulouse: Édouard Privat, 1879. Кн. XX, § XXIII.

28. Дата смерти. Завещание даёт достоверную последнюю дату жизни — 30 апреля 1196 года. Оно не устанавливает день смерти. В справочной и исследовательской литературе используются 1196 и 1197 годы; в книге эта неопределённость сохранена. См.: Caille, «Ermengarde, vicomtesse de Narbonne»; справка Epistolae. https://epistolae.ctl.columbia.edu/woman/5.html.

К главе 11

29. Пределы передачи власти. Различие между передаваемым наследственным правом и личным авторитетом правительницы — интерпретация рассмотренных в книге документов. Это не формула

средневекового акта и не утверждение, что после Эрменгарды исчезли все сложившиеся учреждения. Сопоставление опирается прежде всего на исследования Caille и Cheyette.

К главе 12

30. Сопоставление с Алиенорой. Хронология и политическая деятельность Алиеноры рассмотрены в: Turner, Eleanor of Aquitaine: Queen of France, Queen of England. Сопоставление двух правительниц не предполагает их личного знакомства: надёжных свидетельств о встрече Эрменгарды и Алиеноры книга не приводит.

Источники и литература

Здесь собраны основные источники и исследования по истории Эрменгарды и её времени. Средневековые документы и литературные тексты приведены в научных публикациях и переводах. Работы историков помогают сопоставить свидетельства и разобраться в спорных вопросах.

Средневековые источники и публикации документов

Жизнеописания трубадуров / изд. подгот. М. Б. Мейлах. М.: Наука, 1993. (Литературные памятники).

Benjamin of Tudela. The Itinerary of Benjamin of Tudela / critical text, translation and commentary by Marcus Nathan Adler. London, 1907. P. 2. https://depts.washington.edu/silkroad/texts/tudela.html

Bruckner, Matilda Tomaryn; Shepard, Laurie; White, Sarah, eds. Songs of the Women Troubadours. New York: Garland Publishing, 1995.

Epistolae: Medieval Women’s Latin Letters. Columbia University Libraries. Письма и документы Эрменгарды Нарбоннской, 1151–1196; сведения о ней в «De amore» Андрея Капеллана. https://epistolae.ctl.columbia.edu/woman/5.html

Histoire générale de Languedoc, avec des notes et les pièces justificatives / par Claude Devic et Joseph Vaissete. Nouvelle édition revue et augmentée. Toulouse: Édouard Privat, 1872–1904.

Ibn Daud, Abraham. The Book of Tradition (Sefer ha-Qabbalah): A Critical Edition with a Translation and Notes / ed. and trans. Gerson D. Cohen. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1967. Рассказ о нарбоннских событиях известен как добавление к рукописной традиции этого сочинения.

Orkneyinga Saga: The History of the Earls of Orkney / trans. Hermann Pálsson and Paul Edwards. London: Penguin Classics, 1981.

Основные исследования

Benson, Derek R. «The ‘Traitor’ of Béziers: Petrus Vairatus, the Murder of Raymond Trencavel, and the Urban Revolt of 1167» // Frühmittelalterliche Studien. 2025. Vol. 59, no. 1. P. 153–187. https://doi.org/10.1515/fmst-2025-0006

Caille, Jacqueline. «Ermengarde, vicomtesse de Narbonne (1127/29–1196/97): une grande figure féminine du Midi aristocratique» // La Femme dans l’histoire et la société méridionales (IXe–XIXe siècles). Montpellier: FHLMR, 1995. P. 9–50.

Caille, Jacqueline. «Les seigneurs de Narbonne dans le conflit Toulouse–Barcelone au XIIe siècle» // Annales du Midi. 1985. Vol. 97, no. 171. P. 227–244.

Caille, Jacqueline. «Le consulat de Narbonne, problème des origines» // Les origines des libertés urbaines. Actes du XVIe Congrès des historiens médiévistes de l’enseignement supérieur (Rouen, 7–8 juin 1985). Mont-Saint-Aignan: Publications de l’Université de Rouen, 1990. P. 243–263.

Caille, Jacqueline. Medieval Narbonne: A City at the Heart of the Troubadour World / ed. Kathryn L. Reyerson. Aldershot; Burlington: Ashgate, 2005.

Cheyette, Fredric L. Ermengard of Narbonne and the World of the Troubadours. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001.

Cheyette, Fredric L. «Women, Poets, and Politics in Occitania» // Aristocratic Women in Medieval France / ed. Theodore Evergates. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1999. P. 138–177.

Graboïs, Aryeh. Le « roi juif » de Narbonne // Annales du Midi. 1997. T. 109, № 218. C. 165–188. https://doi.org/10.3406/anami.1997.3784

Graham-Leigh, Elaine. The Southern French Nobility and the Albigensian Crusade. Woodbridge: Boydell Press, 2005.

Paterson, Linda M. The World of the Troubadours: Medieval Occitan Society, c. 1100–c. 1300. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Sennis, Antonio, ed. Cathars in Question. Woodbridge: York Medieval Press, 2016.

Turner, Ralph V. Eleanor of Aquitaine: Queen of France, Queen of England. New Haven; London: Yale University Press, 2009.

Электронные ресурсы

Corpus des Troubadours. Institut d’Estudis Catalans; Union Académique Internationale. Электронный корпус текстов и научных изданий окситанской поэзии. https://corpusdestroubadors.iec.cat/

Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. Электронный корпус научных изданий скальдической поэзии. Стихи Рёгнвальда Кали Кольссона и его спутников, связанные с посещением Нарбонны. https://skaldic.org/

Bibliothèque nationale de France. Catalogue général и Gallica: библиографические записи, оцифрованные издания и справочные данные. https://catalogue.bnf.fr/; https://gallica.bnf.fr/

Persée. Научный архив французских журналов; электронная публикация работ Жаклин Кай. https://www.persee.fr/

Указатель имён и мест

Авраам (глава еврейской школы Нарбонны) — 18
Алиенора Аквитанская — 7–8, 62, 75, 113–124
Альби — 29–30, 61, 88
Альфонс Иордан — 23–24, 26–34, 37, 59–60, 64–65, 77, 90, 116
Альфонсо II Арагонский — 60, 63, 65, 82
Андрей Капеллан — 74
Андюз, род — 33, 37–38, 40, 78
Арагон — 20, 60–61, 63–66, 68, 82, 98, 107, 113
Арно де Левезу — 37, 77
Барселона и Барселонский дом — 5, 15, 18, 21, 23, 28–30, 32, 36, 39, 45, 48, 59–62, 65, 102, 106, 113
Безье — 15, 21, 44, 61
Беренгер (архиепископ Нарбонны в 1156–1162 годах) — 82
Беренгар де Пюизергье — 51–54, 56–57, 72, 81, 104
Беренгер (архиепископ Нарбонны с 1191 года) — 82
Бернар д’Андюз — 33–37, 40–41, 73, 116
Вениамин Тудельский — 18
Вестготы — 14
Генрих II — 7, 61–62, 116–120, 123
Генуя — 17, 44, 49
Гуго I Родезский — 29
Дом Лара — 84, 89–93, 97, 101, 110, 120–121
Иоанн Безземельный — 118–120
Калонимос, сын Тодроса — 18
Капетинги — 13, 15, 106, 113, 115–116
Карант — 85
Каркассон — 15, 21, 29–30, 61
Кастилия — 89–90, 92–93, 97, 109, 119–120
Кимхи, семья — 18
Кумиак — 85
Лангедок — 29, 60, 86, 95
Людовик VII — 52–53, 55–57, 62–63, 81, 104, 115–116, 119–120
Мас-Деу — 98
Монпелье — 30, 34, 36–37, 53, 61, 65
Монсере — 46–47
Нарбонна — 5–7, 10–41, 43–46, 49, 51, 53–57, 59–66, 68–71, 73–77, 79–80, 82–83, 88–98, 100–102, 104–107, 110–116, 118, 120–121, 123–124
Нарбо Марций — 13
Педро Манрике де Лара — 82, 84, 89, 93–101, 104, 109, 120
Пейре Рожье — 70–71
Пиза — 44, 49, 92
Пиренеи — 15, 20, 23, 28, 59, 90, 93, 117
Плантагенеты — 62, 66, 115–116, 118, 123

Понс д’Арсак — 82, 92
Прованс — 59–60, 63–64, 68–69, 73
Пуатье — 114
Пюизергье — 51, 53
Раймон V Тулузский — 45, 53, 60–65, 93
Раймон Тренкавель — 44–45, 47, 61, 64
Рамон Беренгер IV Барселонский — 28, 36, 48, 59–62, 64
Рим — 5, 79
Ричард Львиное Сердце — 117–120, 123
Родез — 29–30
Роже I Тренкавель — 29, 31
Роже II Тренкавель — 45, 61, 64
Руссильон — 98
Сицилия — 119–120
Средиземное море — 5, 13–14, 17, 23, 29, 43, 49, 115
Терраль — 82, 92
Тодрос (отец Калонимоса) — 18
Тренкавели — 15, 21, 29–32, 34, 37, 39–40, 44–45, 47, 61–62, 64–65
Тулуза — 5, 7, 15, 18, 21, 23–30, 32–33, 37, 45, 52–53, 57, 59–66, 68, 77, 90–91, 100, 102, 106–107, 113, 115
Фабрезан — 96–97, 104
Фонфруад — 83–84, 92
Франция — 5, 13–14, 21, 28, 35, 53, 59–60, 63, 66, 76, 86, 88, 100, 113, 117–118
Эмери II (отец Эрменгарды) — 19–20, 22, 36, 46, 89
Эмери III Нарбоннский (сын Педро) — 97, 101
Эмери де Лара (племянник Эрменгарды) — 49, 84, 89, 91–93
Эрменго де Фабрезан — 96–97, 104
Эрмессинда — 20, 22, 35, 49, 89
Orkneyinga Saga — 73–74
Tort-n’avetz — 70–72